

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

©т первого
до последнего слова

Татьяна Устинова

От первого до последнего слова

«ЭКСМО»

2007

Устинова Т. В.

От первого до последнего слова / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2007

ISBN 978-5-699-23754-8

Он не знает, правда это, или ложь – от первого до последнего слова. Он не знает, как жить дальше. Зато он знает, что никто не станет ему помогать – все шаги, от первого до последнего, ему придется делать самому, а он всего лишь врач, хирург!.. Все изменилось в тот момент, когда в больнице у Дмитрия Долгова умер скандальный писатель Евгений Грицук. Все пошло кувырком после того, как телевизионная ведущая Татьяна Краснова почти обвинила Долгова в смерти «звезды» – «дело врачей», черт побери, обещало быть таким интересным и злободневным! Оправдываться Долгов не привык, а решать детективные загадки не умеет. Ему придется расследовать сразу два преступления, на первый взгляд, никак не связанных друг с другом... Он вернет любовь, потерянную было на этом тернистом пути, и узнает правду – правду от первого до последнего слова!

ISBN 978-5-699-23754-8

© Устинова Т. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Татьяна УСТИНОВА

ОТ ПЕРВОГО ДО ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА

Все совпадения имен, фамилий и событий являются случайными

*Питеру фон Теобальду,
блестящему хирургу*

*Каждый выбирает по себе
Женицу, религию, дорогу,
Дьяволу служить или пророку,
Каждый выбирает по себе.*

*Каждый выбирает для себя
Слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
Каждый выбирает для себя.*

*Каждый выбирает для себя
Щит и латы, посох и заплаты.
Меру окончательной расплаты
Каждый выбирает для себя.*

Ю. Левитанский

Машины постепенно стали притормаживать, из ручейков собираться в потоки, а впереди, под горкой, маячило целое озеро тормозных огней – все шесть полос, все ручейки и потоки сливались воедино, и конца–краю им не было.

Страждущие заслуженного отдыха москвичи и гости столицы возвращались домой с работы, и было понятно, что до этого самого отдыха далеко, как до Луны, и сейчас начнется маета: многочасовые барахтанья в автомобильном море, сигареты одна от другой, в мобильном садятся батарейки, приемник орет дурным голосом дурную песню, и очень хочется есть и спать, и люди в железных коробках потихоньку звереют, и в виске начинает стучать, и хочется, чтоб весь мир поскорее провалился бы куда-нибудь – вместе с пробками, гудящими автомобилями, воняющими дымным перегаром, вместе с ломотой в висках и отчетливым сознанием того, что утром все повторится снова!..

Долгов от безнадёги перестроился сначала в крайний левый ряд, но тот вскоре встал намертво. Тогда он вильнул в средний, который еще кое-как ехал, но и здесь не было ничего хорошего. Поволочившись за каким-то фыркающим и эпилептически трясущимся «волгарем», Долгов изнемог окончательно.

Он был выносливым мужиком, но кое-что давалось ему с трудом. Он ненавидел бессмысленную потерю времени, которого ему вечно не хватало, а что может быть бессмысленнее стояния в пробке!

«Волгарь» впереди фыркал и выпускал клубы черного дыма, и в мутных стеклах виднелась кепка, тужурка и две клешни, вцепившиеся в руль. Казалось, машина не сама едет, а этот, в кепке, кое-как подталкивает ее вперед.

Долгов какое-то время сочувственно ехал за дядечкой и его помирающей машиной, а потом перестроился еще правее. Здесь уж были сплошные фуры, здоровенные грязные колеса крутились почти на уровне крыши долговского джипа, и ему вдруг почудилось, что он слу-

чайно въехал на ишаке в стадо бредущих слонов. Слоны перестраивались, переходили с шага на медленную тяжеловесную рысь, фыркали, и Долгову казалось, что его вот-вот затопчут.

Или по обочине, что ли, рвануть?..

Иногда Долгову неведомо было соблюдать правила, да и на джипе своем он ездил, как джигит на коне, – уверенно и бесшабашно. За каким-то очередным слоном обнаружился просвет, и Долгов кинулся в него, прошмыгнул под носом у другого слона, принял еще правее и выскочил на обочину. Впереди маячили машины таких же джигитов, которые, не жалея «скакунов», неслись по канавам и выбоинам, но до них было метров четыреста. Четыреста метров ехать, а не стоять – вот самое большое счастье, которое только может настичь человека в пробке!

Долгов нажал на газ, джип ринулся вперед, угодил колесом в канаву, будто ногу подвернул, и обиженно зарычал от боли.

– Ничего, – сказал ему Долгов. – Терпи, ты железный!..

Он любил свою машину и разговаривал с ней на равных. Впрочем, не с «ней», а с «ним». У него был автомобиль-мальчик.

В два счета, приседая и подпрыгивая, он долетел до машин, которые трепыхались впереди, и пристроился в хвост последней. Многополосное шоссе впереди взлетало на горку и отсюда хорошо просматривалось, и тут выяснилось, что там, на горке, пусто, машины идут шустро, и пробка начинается и заканчивается где-то совсем рядом. Долгов немного приободрился и прибавил звук в приемнике.

Второй концерт Рахманинова – самый волнующий и самый любимый – грянул в салоне, и Долгов вдруг подумал, что все это ерунда – и пробка, и усталость, и опустошенность после рабочего дня.

Ерунда и рутина.

Они быстро пройдут, зато есть нечто вечное. Второй концерт Рахманинова, к примеру.

Машины сбивались в стаю, и на обочине сделалось совсем тесно, и Долгов стал осторожно пробираться обратно в середину. Ему сигналили и не пускали, но он все равно пробирался.

Теперь ехал только крайний левый ряд, и Долгов пытался всунуть джип в медленную вереницу машин, и все у него никак не получалось. Вокруг сигналили и неслышно бранились из-за закрытых стекол. Впереди опять оказался тот самый «волгарь», и приплюснутый картузик виднелся в мутных стеклах, и Долгов вдруг развеселился. Он метался, перестраивался, по обочине чесал, а «волгарь» так и трюхал себе потихонечку – и вот вам результат! Все как было, так и осталось – картузик впереди, Долгов за ним.

Машины ползли еле-еле, и тут стало ясно, из-за чего весь сыр-бор.

Ну, конечно. И как это он сразу не догадался?..

Фура стояла, перегородив три ряда, и кабина у нее была странно вывернута. Какая-то машина, изуродованная до такой степени, что невозможно было определить марку, валялась на боку. Третья, кажется, «восьмерка» или «девятка», была смята, как сигаретная пачка, на которую наступили, и развернута навстречу движению. Возле нее на асфальте лицом вниз лежал человек в расхристанном пиджаке и задранный вверх грязной рубаше. Еще какой-то человек ходил вокруг, его качало, как пьяного. Водитель грузовика сидел на подножке кабины, и у него был такой вид, будто он никак не мог взять в толк, что происходит. Несколько машин стояли в разных рядах, и возле них растерянные люди звонили по мобильным телефонам.

– А, черт возьми, – пробормотал Долгов, выкручивая руль. Сзади с возмущением засигналили, он принял еще чуть-чуть левее, освобождая единственный еле ползущий ряд, и приткнул джип к бамперу фуры.

– Черт бы вас побрал всех до одного!..

Он выскочил из машины, сорвал с себя пиджак и кинул его в салон.

Тот, что лежал лицом вниз, дернулся и захрипел, когда Долгов присел перед ним на корточки. Подсунув левую руку под шею, Долгов нашарил пульс, правой – ощупал позвоночник лежащего. Его нужно было перевернуть, и, став на колени, Долгов осторожно перевалил его на спину.

Дыхание было угнетено, и Долгов посмотрел зрачки. Гипоксия, тахикардия, все как по учебнику. Он уложил пострадавшего ровнее и проверил грудную клетку и переднюю поверхность шеи. Ребра были явно сломаны, а на шее нет никаких видимых повреждений. Крови много, но не слишком темной. На бедре рана, и на боку с правой стороны повреждены ткани, но не слишком глубоко. Долгов стал осторожно щупать живот, пристально глядя в лицо потерпевшего.

Мужчина опять захрипел, дернулся и открыл мутные, желтые от муки глаза.

– Ничего, – сказал ему Долгов, – ничего, все будет нормально. Как тебя зовут?

– Андрей.

– Сколько тебе лет?

Человек силился что-то сказать и не мог. Тоненькая струйка крови показалась из запекшегося рта. Долгов исследовал его раны и говорил, не останавливаясь.

– Вот так нажимаю – больно?

– Да.

– А так?

– И так.

– Ты куда ехал-то? К теще на блины?

Откуда в голове взялась эта теща?.. Впрочем, совершенно неважно, что говорить, самое главное говорить, и чтобы пострадавший слышал!

– К теще на блины нужно медленно ехать, нехотя, а ты небось спешил, да?

Вокруг стал собираться народ – Долгов не поднимал головы, но видел многочисленные ноги. Рычали и сигналили машины.

Под лопатки лежащего он подсунул руку, так, что голова у того немного запрокинулась назад, как у неживого, но взгляд сфокусировался, и губы сложились, и мужчина просипел с усилием:

– Больно.

– Это даже хорошо, что больно. Это значит, что ты жив!.. Все будет нормально.

Долгов понятия не имел, нормально будет или нет, но точно знал, что прежде всего нужно успокоить пострадавшего, а потом разберемся!..

– Принесите аптечку, – громко приказал он в сторону каких-то лакированных ботинок.

Ботинки переступили, потому что кровь, очень темная на асфальте, подбиралась уже близко.

– Аптечку из машины мне! – повторил Долгов ровным голосом. – И какую-нибудь одежду!

– А... какую одежду-то? – спросили со стороны лакированных ботинок.

– Любую. И «Скорую» вызвать!

– Вызвали уже.

– Он умирает, да?..

– Удар-то какой был! Машину в лепешку смяло!

– Одежду ему надо! Этот вроде одет! Зачем одежда?!

– Вот возьмите подушку! Подходит?

– А «Скорая»-то как проедет?! Вон тачек сколько!

– Подушка не подходит, – громко сказал Долгов. – Пиджак, пальто, что-нибудь! И аптечку!

Он посматривал на пострадавшего, контролируя его дыхание. Нужно остановить кровотечение и уложить мужика так, чтобы ему было легче дышать.

– Голову-то ему зачем повернул?! Положи его ровно, слышь, парень? Я в авиации служил, знаю, что говорю!

И чьи-то уверенные руки вдруг взяли лежащего за плечи.

– Всем отойти на два шага назад! Я врач! – рявкнул Долгов. – Отойти от больного!

Руки исчезли, зато рядом с Долговым очутился пиджак. Он быстро скатал его в твердый валик и подsunул под лопатки пострадавшего. Стерильного бинта в автомобильной пластмассовой аптечке с красным крестом на крышке не оказалось, и Долгов велел принести другую.

Пока он бинтовал бедро, пострадавший тяжело дышал и время от времени постанывал, а потом прохрипел, будто вдруг осознав что-то:

– Я умираю, да?

– Нет, – отрезал Долгов.

Он затянул узел, заглянул в аптечку, порылся в ней, нашел шприц и посмотрел на свет ампулу с обезболивающим. Оно оказалось безнадежно просроченным.

– Есть еще у кого-нибудь аптечка?! Только купленная не десять лет назад!

– Больно, – пожаловался пострадавший.

– Ты кем работаешь?

– Ме... менеджером.

– Никогда не понимал, что это такое, – быстро сказал Долгов, раскрывая следующую аптечку. Вокруг него на асфальте валялось штук пять этих самых аптечек. В последней наконец было все, что нужно, он разорвал упаковку шприца и набрал прозрачную жидкость. – Всегда мечтал быть менеджером, но до сих пор не знаю, кто это такие. Хорошо, что тебя встретил, хоть понял, как они выглядят!

Он быстро ввел препарат. Повязка подмокала, но не слишком, значит, кровотечение ослабевает.

Надо ждать «Скорую», на месте больше ничем не поможешь. Хорошо, что пострадавший сам дышит, но Долгов оценивал состояние как тяжелое. Нужна интенсивная терапия, а какая на дороге может быть интенсивная терапия!

– Сейчас тебе станет легче, – сказал он раненому, доставая мобильный телефон. – Ты в каком институте учился?

– В университете... те... я...

– А я в медицинском. Поступал в физтех, но меня не приняли. Тройка по физике получил. Расстроился ужасно.

Человек на асфальте вновь разлепил мученические глаза и скосил их на Долгова, стоящего перед ним на коленях с телефоном возле уха.

– Мне повезло, – выговорил он с усилием и даже улыбнулся. – Если бы тебя приняли, кто бы меня... спасал?..

Долгов, по своей вечной привычке ни с того ни с сего восхищаться людьми, пришел в восторг. Человек лежит на МКАДе с разорванным бедром, залитый кровью и засыпанный стеклянной крошкой, и больно ему везде, и невыносимо, и страшно, и он еще находит в себе силы... шутить?! Это дорогого стоит!

– Все будет нормально, – пообещал он пострадавшему, – нужно потерпеть немножко, и все.

Телефон возле уха гудел длинными гудками, а зеленая и желтая бледность понемногу стала покрывать лицо лежащего, и оно в одну секунду залилось потом, и Долгов снова нащупал пульс у него на шее.

– Халлоу, – на иностранный манер протянули в трубке.

– Пал Сергеевич, – быстро сказал Долгов, считая пульс, – это Дмитрий Евгеньевич. У вас сегодня по «Скорой» кто дежурит?

– У на-ас? – тянул голос в трубке. – Вроде Ованесов, а что такое?

– Да авария рядом с вами, на МКАДе, как раз напротив вашего поворота! Отправьте прямо сейчас реанимацию! Наверняка вам уже звонили, но на всякий случай отправьте.

– Тяжелые есть?

– Один есть, других я пока не смотрел.

– Сделаю. А вы сами?

– Что?

– Ну... не того? Не пострадали?

– Нет, все в порядке. Если можно, побыстрее, Пал Сергеевич!

– А что? Не дышит?

– Пока все в порядке, но динамика мне не нравится.

В трубке вздохнули.

Вечно вы куда-нибудь влезете, уважаемый Дмитрий Евгеньевич, а нам «давай быстреей!» – вот что означал этот вздох. Вечно вас на подвиги тянет, а нам реанимацию отправляй! Вечно вы спасать кидаетесь, а нам хорошо известно, что всех не спасешь!..

Долгов знал совершенно точно, что, несмотря на вздохи, на иностранное и вальяжное «халлоу!» в трубке, невзирая на все свои ужимки и прыжки, Павел Сергеевич Ландышев реанимацию пришлет и пропасть больному не даст. Он служил главврачом много лет, и его больница была одной из лучших «скорпомощных» в Москве!

Долгов сунул трубку в задний карман, посмотрел на лежащего и поднял глаза на людей, столпившихся вокруг.

– Еще пострадавшие есть?

– Там женщина... у нее лицо разбито, порезы... и... рука, кажется.

– И мужик из фуры ударился сильно. Небось сотрясение мозга у него.

– И еще парень какой-то, весь в крови.

Пульс под пальцами Долгова все учащался, и дыхание стало поверхностным. Где, черт бы ее побрал, реанимация?!

– А парень, который в крови, идти может или нет? И женщина?.. – спокойно спросил Долгов.

– Да, вроде они на ногах.

– Тогда пусть ко мне подойдут, я посмотрю.

Вдали завывала сирена, и Долгов оглянулся, но ничего не увидел. По закону подлости, это наверняка ГАИ, а не «Скорая»! Так всегда бывает, когда очень чего-нибудь ждешь.

Лежащий снова застонал, и Долгов сказал ему, чтобы тот, когда поправится, изложил на бумаге краткий курс менеджмента и прислал ему, Долгову, по электронной почте.

На третьем курсе на лекциях по общей хирургии профессор Потемин любил цитировать Бехтерева, который утверждал, что если больному после разговора с врачом не стало легче, то это не врач.

Долгов помнил об этом всю жизнь.

Завывания sireны приближались, но машины все еще не было видно.

– Вот он, который в крови! Вы его позвать велели!

Долгов быстро посмотрел. Широкоплечий человек в кожаной куртке и кожаных же штанах стоял, держась рукой за лоб. Крови было не слишком много, но все же подкапывало, и он все время морщился и пытался отряхнуть куртку.

– Голова болит?

– Все болит! – плачущим голосом сказал кожаный. – Где эта «Скорая», мать ее! И куртку всю изгадил, а я ее только купил! Во всем этот придурок виноват! Машину раскурочил, а она новая, я ее только купил!..

И кожаный сделал движение, будто собирался пнуть лежащего на асфальте в бок.

– Ногу убери, – сказал Долгов совершенно спокойно, но как-то так, что кожаный моментально съехал и пожух, снова забухтел что-то про свою куртку и про то, что везде болит.

Из крайнего правого ряда, освещая вечернее шоссе всполохами мигалки, протиснулась желтая реанимационная машина и стала рядом с долговским джипом.

Долгов поднялся с коленей, давая место врачам со «Скорой».

– Что тут у вас?

– Разрыв тканей на бедре и, похоже, перелом. А может, просто ушиб. Двусторонние переломы ребер, может быть, легкое задето, во рту была кровь, хотя пока нарушений дыхания нет.

– Харкал? – живо спросила женщина в желтой куртке, присела и раскрыла чемоданчик.

– Нет. Возможно, внутрибрюшное кровотечение. Притупление везде.

– Вы кто? – спросила женщина.

– Хирург.

– Поня-атно, – протянула она, пристраивая на иглу ампулу. Санитары раздвигали носилки. – Кололи что-нибудь?

Долгов усмехнулся.

– Обезболивающее из автомобильной аптечки.

– Ребята, давайте остороженько переложим! Терпи, парень, уже немножко осталось! И там еще одна «Скорая» на подходе из сороковой сейчас будет. А вы сами-то живы-здоровы, хирург?

– Да я просто мимо ехал.

– Поня-атно, – снова протянула женщина.

Санитары покатали носилки к распахнутым дверям реанимационной машины, люди раступились и снова вяло сомкнулись.

– В той машине еще кто-нибудь есть?

– Я не смотрел.

На ходу женщина заглянула в перевернутую машину, посмотрела на Долгова и отрицательно покачала головой.

– Ну все! – прокричала она сквозь автомобильный гул.

– С богом! – прокричал в ответ Долгов.

Желтые двери закрылись, «Скорая» тронулась и вдруг изо всех сил завывла сиреной, как будто в грудь воздуху набрала.

До приезда гаишников и еще одной «Скорой» Долгов врачевал мелкие порезы, ушибы и переломы. Собственно, перелом был только один, у маленькой плачущей женщины из машины, которая стояла поперек дороги, а водитель фуры почти не пострадал, только говорил невнятно, и Долгов все не мог понять – то ли от шока, то ли у него такая речь, то ли он просто с бодуна.

Приехавшие гаишники первым делом осведомились, есть ли трупы, и, узнав, что нет, а самого тяжелого увезла «Скорая», совершенно расслабились. А и в самом деле, куда спешить-то?.. Подумаешь, авария! Таких аварий в день десятков бывает! А тут все обошлось – вон как их переколбасило, но трупов нет! Считай, дешево отделались!

Пока замеряли расстояние, перекрыв МКАД совсем, пока ходили вокруг фуры, пока фотографировали повреждения, Долгов все бинтовал какие-то раны и объяснял фельдшеру со «Скорой», что плачущую женщину надо бы на рентген, а тому, что в кожаной куртке, хорошо бы томограф, потому как бровь у него рассечена довольно сильно, так что, скорее всего, головой он приложился изрядно.

Фельдшер слушал совершенно равнодушно.

– Вы кто?

– Хирург, – повторил Долгов, и фельдшер вдруг взглянул с интересом.

– А я вас знаю, – объявил он радостно, совершенно позабыв и про женщину с переломом, и про парня с рассеченной бровью. – Вот, ей-богу, знаю!.. Вы по повышению квалификации лекции читали! Читали, да?

– По... какому повышению?

– Ну как же! В институте усовершенствования врачей. Читали?

Долгов, который только и делал, что где-то читал какие-нибудь лекции, признался, что читал.

– Ну вот, я же говорю! – радостно сказал фельдшер. – А у нас в то время семинарчик был в том же институте, и меня послали! Тоже вроде по повышению! Все хорошо, только заставили экзамен сдавать, а кто не сдал, тому, значит, зарплату не прибавили! Какая-то комиссия это называется! А! Квалификационная, вот какая!

Высоченный Долгов смотрел на него сверху вниз.

– Вот там я вас и засек! К вам еще народ ломился, в коридоре стоял! Да?

Долгов пожал плечами.

– Может, вы поедете уже? – негромко спросил он у разговорчивого фельдшера. – Больные ждут. И перелом сложный.

– Да тут каждый день аварии! Видите, поворот какой! Мы сюда как на работу ездим, хоть время засекай, ё-моё! Или утром, значит, или вечером обязательно здесь кто-нибудь или перевернется, или вообще до смерти убьется! – Он еще посмотрел на Долгова, сияя улыбкой, показывая желтые прокуренные зубы. – Ну как же я вас узнал!.. Вот не ожидал!

– Я тоже не ожидал, – согласился Долгов таким тоном, что фельдшер перестал улыбаться, посмотрел на него испуганно и подался в сторону «Скорой».

Долгов умел совершенно обыкновенные слова говорить как-то так, что даже самые бес-толковые собеседники слышали не слова, а тон и именно этому тону беспрекословно подчинялись.

– Не забудьте рентген сделать! Слышите, уважаемый?!

– А?!

Долгов стремительно подошел к машине «Скорой помощи».

– Рентген, говорю, – повторил он, глядя фельдшеру в глаза. – С этой женщиной есть кто-нибудь?

– А?! С какой?!

– С пострадавшей, – выговорил Долгов сквозь зубы. – Одна она была в машине или с ней кто-нибудь был?

– Да откуда ж мне!..

– Я еще была, – прозвучал у него за спиной тоненький голосок. – Меня тоже ударило!

Долгов повернулся.

Девушка, хорошенькая до невозможности, в джинсиках и кургузой курточке, стояла у него за плечом и таращила глаза. На щеке у нее был порез, и джинсы выпачканы чем-то темным. Долгов поначалу решил, что это кровь, а потом понял, что нет, не кровь. Масло, может, или что-то похожее.

Пока он рассматривал ее джинсы, а потом порез на щеке, девушка стояла смирно и только мелко дрожала, а потом, когда он стал щупать ей голову и заглядывать в глаза, неожиданным и странным образом переполошилась.

– Вас как зовут? – спросил Долгов, глядя ей в зрачки.

– А вам зачем?

Долгов развеселился.

– Ну, просто чтобы знать, как вас зовут!

Девушка вдруг попыталась вскинуть голову, которую он крепко держал обеими руками, и сказала абсолютно светским тоном:

– Послушайте! Ну, может быть, не сейчас?!

– Что не сейчас? – не понял Долгов.

– Ну, знакомиться будем не сейчас?!

– Так чего? – выдвинулся фельдшер, который было уселся на переднее сиденье «Скорой». – Мы едем, что ли?.. Там у меня полна коробочка, трое их!..

Теперь, после воспоминаний об институте усовершенствования врачей, он признал полное долговское превосходство над собой и почитал его начальником.

Долгов отпустил девицыну голову, нагнулся и пощупал ее джинсы с той стороны, где было особенно грязно – просто чтобы убедиться, что это не кровь.

– А женщина с травмой головы вам кто?

– Сестра. И перестаньте хватать меня за ноги, это неприлично, в конце концов!

– Поезжайте с ней, – велел Долгов. – У нее может быть серьезная травма, и нужно проследить, чтобы ей сразу же сделали рентген. Сможете?

– А?..

– Сможете поехать и проследить, чтобы ей сразу же сделали рентген?

Девушка посмотрела по сторонам, словно в поисках ответа на этот чрезвычайно сложный вопрос. Долгов понимал, что она в шоке, но ему хотелось, чтобы соображала она чуть побыстрее.

– Как же я поеду? – плачущим голосом спросила девушка. – А машина?

– Какая машина?

– Моя! Это сестра за рулем была! Она! Я рядом сидела, а она была за рулем и разбила мою машину!

Глаза у нее налились слезами, и стало понятно, что сейчас она начнет рыдать. Долгову некогда было с ней возиться.

– Вы должны поехать в больницу с вашей сестрой, – тихо и отчетливо сказал он. – Прямо сейчас. Вы меня поняли?

Не только фельдшер со «Скорой», но и девушка, услышав его тон, моментально внутренне признала его превосходство над собой, перестала всхлипывать и покорно полезла в машину.

– Хорошо, – сказал Долгов и крикнул фельдшеру: – Поезжайте с богом!

– Доктор, доктор, – забормотали рядом, – у меня кровь не останавливается! Что делать, доктор? Ведь... того... истеку, ей-богу, истеку! От потери крови, говорят, Пушкин умер!

Долгов оглянулся посмотреть, кто это такой образованный и знает, от чего умер Пушкин. В этот момент телефон, который словно знал, что раньше звонить никак нельзя, затрещал у него в кармане. Долгов полез за мобильником, одновременно краем глаза изучая смирного перепуганного дядьку, который держался рукой за грудь. Вся полотняная курточка спереди у него была в крови, и пальцы, которыми он прижимал курточку, тоже были очень красными.

– Дима, – позвала в телефоне Алиса. На заднем плане, за ее голосом, слышался приглушенный мирный, вкусный ресторанный шум. – Ты где? Я тебя жду.

– На МКАДе.

– Ты еще так далеко?! – ужаснулась Алиса. – А я уже в ресторане. Михаил Ефимович только что подъехал. Он еще не зашел, но мне в окно видно его машину!

– Очень хорошо, что видно машину, – проскрежетал Долгов. – Я задержусь, а ты его займи чем-нибудь?

– Чем мне его занять?! Он же хотел с тобой увидеться, а не со мной!

– Он увидится, но попозже.

Тут ее натренированное ухо уловило наконец, что что-то неладно.

– Дим, что происходит? С тобой все в порядке?

– Со мной все в порядке, – уверил ее Долгов. – Я сейчас не могу разговаривать, после перезвоню.

И сунул телефон в карман.

– Давайте посмотрим, что там у вас, – сказал он смирному дядечке и аккуратно, но властно оторвал от груди его руку. Рука была липкой от крови, дяденька следил за ним испуганными глазами.

– Да ничего особенного нету, доктор, но того... кровит сильно.

– Давайте посмотрим, – повторил Долгов. – Чем вас ударило?

– Да я и не видал, чем там меня... Как будто в стенку с разгону... тридцать лет за рулем и никогда...

Долгов развел в стороны полотняные полы его курточки и задрал на тощем животе темную от крови майку.

Ничего особенного под майкой не обнаружилось, только глубокий порез, на самом деле глубокий, с краями.

– Что ж вы раньше не сказали? – тихо спросил Долгов. На первый взгляд ничего страшного, но в ране вполне могли остаться осколки стекла.

– Так... когда же раньше, доктор? Вы же того... заняты были. Пострадавших много, а у меня просто порез.

Долгов быстро взглянул ему в лицо.

– Нужно рентген сделать, а по большому счету хорошо бы ультразвук. И швы наложить!

– А так-то не заживет, доктор? – улыбаясь бравой насильной улыбкой, спросил дядечка. – Чего там, швы, рентген!.. На мне все как на собаке заживает, вот ей-богу! Я в авиации служил.

– Это хорошо, – похвалил его Долгов. – Авиация – это прекрасно. Рентген, а потом швы. Обязательно!

Дядька совсем затосковал и стал отводить глаза.

– Да и «Скорая» уж уехала, – забормотал он. – И машину я здесь не оставлю!.. Как я потом ее отсюда забирать-то буду! Еще на стоянку уволочут, плати за нее, потом и не найдешь! А если она здесь будет стоять, так ее всю раскурочат к Аллаху!.. А перевязочку мне нельзя, доктор? – вдруг спросил он с надеждой. – Перевязать, да и дело с концом! Подумаешь, порезался! Лишь бы кровью не истечь, как этот самый Пушкин!

Долгов еще раз посмотрел на дядечку, а тот на него.

Долгов смотрел сурово, хотя, пожалуй, сочувственно. Дядечка – искательно и виновато.

Долгов понял, что из номера с рентгеном все равно ничего не выйдет – это было совершенно очевидно. Не поедет дядька на рентген. Он в авиации служил, и вообще непонятно, где потом искать машину! Какой уж тут рентген!..

– Повязку я наложу. – Он присел на корточки и стал шарить по аптечкам, которые валялись на асфальте. – Только вам все равно в больницу придется ехать! Такие порезы – не шутка, и рану нужно обрабатывать! А я ее сейчас ничем не обработаю.

– А может, того... зеленочкой?

– Зеленочкой? – под нос себе переспросил Долгов, нашел в аптечке перекись водорода и твердый пакетик стерильного бинта. – Присядьте где-нибудь! Ну, вот хоть сюда присядьте!

Он согнал с подножки грузовика водителя, который все продолжал раскачиваться, взявшись за голову, и усадил дядечку, и еще раз осмотрел рану. Вроде бы осколков в ней не было, но автомобильное стекло – коварная штука! Только на иностранных машинах оно вываливается целиком, так сказать, единым монолитом. Сотворенное же в отечестве, как нарочно, крошится в мелкую пыль, и бог знает, сколько этой стеклянной пыли может попасть в рану!..

Телефон опять зазвонил. Долгов прижал край бинта подбородком и кое-как вытащил трубку.

Звонил тот самый Ландышев, который на иностранный манер произносил «халлоу!».

– Ованесов сейчас отзвонил, – неторопливо произнес Павел Сергеевич, словно продолжая разговор. – Сказал, что вашего тяжелого как раз к нам и привезли.

– Что там у него?

– Да не успели еще посмотреть! – язвительно сообщил Павел Сергеевич. – Я вам только хотел сказать, что он у нас и им сейчас занимаются!

– Я понял, – Долгов прижал трубку плечом и стал бинтовать. Смирный дядечка морщился, но даже не охал. – Спасибо вам, Павел Сергеевич.

– То-то же, – пробормотал Ландышев. – Занимайся тут для тебя благотворительностью, а в ответ ни доброго слова, ничего!..

– Спасибо! – еще раз громко повторил Долгов, продолжая бинтовать. – На вас одна надежда!

– Вот именно, – согласился Ландышев, и в телефоне воцарилась тишина. Долгову некуда было деть мобильник, руки заняты, и он прижимал его к плечу, пока бинтовал, и только затянув узел, перехватил трубку и сунул в карман.

– Спасибо, доктор, – прочувствованно сказал дядечка и стал осторожно, пытаясь не запачкать белоснежный бинт, опускать окровавленную майку. – Выручили. Дай вам бог здоровья.

– Рентген сделайте, – велел Долгов докторским голосом. Дядька ему нравился. – Только именно сегодня. Вы поняли?

– Да понял, понял, доктор!..

– Если не хотите заражения крови, – добавил Долгов, и дядька испуганно закивал.

Гаишники растаскивали машины, и поток теперь двигался в два ряда, и молоденький мальчишка махал полосатой палкой, а гаишник постарше что-то писал в блокноте возле искореженной и перевернутой машины. Люди стояли вокруг него полукругом, и тот, который был в кожаной куртке и все переживал из-за того, что она новая, размахивал руками и бил ребром ладони о другую ладонь, видимо показывая, как все было.

Все наврет, подумал Долгов неожиданно для себя. Есть такие. Они врут всегда, даже когда в этом вранье для них нет никакой личной выгоды. И этот врет.

Он вдруг почувствовал, что устал. Даже не то чтобы устал – он уставал очень редко, а во время работы никогда, – просто хочет спать и домой. Выспаться у него в последнее время никак не получалось. Операций было много, и еще добавилась одна больница, в которую приходилось путешествовать через весь город.

Он зевнул, вяло потряс брьючками на коленях, которые оказались сильно вымазанными, и полез в свою машину.

Телефон опять зазвонил, он ответил и какое-то время разговаривал со своим аспирантом, который спрашивал, когда Долгов сможет посмотреть его диссертацию.

Дмитрий Евгеньевич отвечал, что ни сегодня, ни завтра никак не сможет, аспирант настаивал, а Долгов все не соглашался. Аспирант был так себе, даже не средненький, а вовсе никакой, и возиться с ним Долгову не хотелось, но он знал, что придется.

Этот самый, даже не то что средненький, а вовсе никакой ради своей диссертации у профессора всю душу вымотает, когтями вытянет, каленым железом выжжет! Ему нужна не просто диссертация, а хорошая диссертация. Он себе и местечко давно присмотрел в чистенькой, ухоженной клиничке, где на окнах занавески, а в коридорах раскидистые фикусы, где сидят хорошие, чистенькие, ухоженные врачи, берущие за прием по сто долларов, где всегда внимательны к пациентам и где так удобно и приятно работать!.. За этого аспиранта и похлопотать есть кому, и профессору Долгову уже звонили и многозначительным голосом поздравляли с тем, что он вырастил «достойную смену», все в лице этого никакого!..

Долгов ничего не имел против подобного рода лечебных учреждений, почитая их чем-то средним между профилакторием и клубом по интересам – вылечить там, конечно, не выле-

чат, но, может, вовремя направят туда, где вылечат. И против подобного рода врачей он тоже ничего не имел – по крайней мере, они вполне безвредны, пока не берутся всерьез пользоваться пациентами и ставить диагнозы, а в качестве собеседников для заполошных мамаш, озабоченных тем, что у чадушки на заднице выскочил подозрительный прыщик, они вполне пригодны. Но сейчас, после крови, грязи и автомобильной вони, диссертация никак не шла ему в голову.

– Позвоните мне в среду, – не дослушав, велел он в трубку и нажал кнопку.

Телефон немедленно зазвонил снова.

– Да, – сказал Долгов. Он никак не мог попасть ключом в зажигание и наклонился, чтобы посмотреть.

– Димуль, ты занят?

– Я?! – удивился Долгов. – С чего ты взяла? Я всегда свободен!

– Димуль, можешь поговорить?

– Смотря о чем, – ответил хитрый и изворотливый Долгов, попав наконец в зажигание. – О чем ты хочешь со мной поговорить, Белик?

– Да я все про ту женщину, которую сегодня привезли! Мне звонили из больницы и сказали, что она от операции отказывается!

– Как отказывается, когда там без вариантов? – Долгов завел мотор и потер глаза. Спать хотелось невыносимо. И Алиса одна в ресторане в меру своих сил развлекает Михаила Ефимовича!.. – Да она специально из своего Хреново-Тучинска приехала, чтобы операцию сделать! И муж ее ко мне вчера ломился, весь на нервах!

– А сегодня ей какие-то... – тут Бэлла изящно выматерилась, – специалисты в нашей больнице сказали, что оперативное вмешательство ей не показано, а показано консервативное лечение.

– Бэл, там все тянется уже год! Они ко мне осенью приезжали, и я еще тогда сказал, что нужна операция, но дама все тянула и вот наконец собралась! Что за новости?!

– Дима, я не знаю. Ты когда будешь в триста одиннадцатой? Завтра?

В триста одиннадцатой больнице у них была база, где они в основном и оперировали.

– Завтра, но у меня три большие операции, и я освобожусь только часов в пять. Ну, в четыре, если бог даст и все пойдет хорошо. Но не раньше. Я позвоню заведующему отделением, попрошу, чтобы ее не трогали, эту нашу нервную!

Бэлла Львовна помолчала. Она была женщиной решительной во всех отношениях и хирургом отличным, и ей хотелось, чтобы Долгов все вопросы решал немедленно, прямо сейчас, а не когда-то там!

– Бэл, ты меня слышишь? Скинь номер и перестань нервничать. Все будет в порядке. Я все решу.

Бэлла длинно вздохнула в трубке.

– Во сколько мне завтра приехать?

– Решай сама. Можешь приехать к восьми, я ее уже посмотрю и поговорю с ней, а потом мы с тобой все обсудим, но в половине девятого у меня первая операция и я уйду. А можешь приехать часам к пяти, но уже не в триста одиннадцатую, а в медицинский центр, у меня там прием. Мы как раз поговорим.

– У тебя три операции и еще прием?!

Долгов вздохнул.

Ну и что? Да, у него три операции, а потом прием. А эта самая дама, о которой хлопотала Бэлла, не просто больная, а жена какого-то большого чиновника то ли из Ростова, то ли из Таганрога, а всем хорошо известно, что начальник департамента по ремонту железнодорожного полотна из Таганрога или Ростова гораздо круче, чем президент России или, скажем, канцлер Германии, и хлопот с ним и с его супругой будет вдесятеро больше, чем с этими двумя, даже если они в одночасье надумают лечь в триста одиннадцатую клиническую больницу!

Ну и что?.. У него, у Долгова, такая жизнь, и Бэлле об этом известно лучше, чем кому бы то ни было.

Вот выспаться бы, и все будет отлично.

Бэлла Львовна еще помолчала в трубке, потом велела Долгову меньше работать и больше отдыхать, а также не забыть позвонить заведующему отделением, в котором больной заморозили голову.

Долгов сунул телефон в карман и стал прицеливаться, как бы втиснуться в плотный поток, обтекавший фуру, и тут гаишник, который что-то записывал в блокнот, замахал ему рукой, загримасничал и двинулся в его сторону.

– Чего тебе надо? – себе под нос спросил Долгов. – Ну, чего тебе надо?!

Телефон опять зазвонил. Долгов посмотрел в окошко, нажал кнопку и поднес трубку к уху.

– Мария Георгиевна, я вам перезвоню.

– Да у меня пустяковый вопрос, Дмитрий Евгеньевич. Или совсем не можете?

– Секунду, – покоровившись, сказал Долгов, опустил стекло и, держа руку с телефоном на отлете, крикнул подходившему гаишнику: – Я уехать хочу! Аварию я не видел!

– Что?!

Долгов выскочил из машины.

– Я говорю, аварию не видел! Я тороплюсь, мне ехать нужно!

– Как не видел?! – тягостно поразился гаишник.

– Да так. Не видел, и все. Я подъехал, когда уже один на асфальте лежал, его реанимация забрала, а остальные были на ногах.

Гаишник почесал за ухом.

– А этот, который на асфальте лежал, он из какой машины?

– Да не видел я! – с тоской повторил Долгов. – И разобраться мне некогда было!

– То есть совсем не видели?!

– То есть решительно не видел.

– А как вы здесь оказались?

– Я ехал, – выговорил Долгов отчетливо, уставясь гаишнику в глаза и взглядом не отпуская его взгляда. Иногда это помогало. – Увидел последствия аварии. Остановился. Вышел. Помог пострадавшему. А сейчас можно мне уехать? Я тороплюсь очень.

Гаишник отвел глаза и спросил:

– А кто вас на место происшествия вызвал?

– Никто.

– А как вы здесь оказались?

– Мария Георгиевна, – простонал Долгов в трубку, – я вам все-таки перезвоню. Это надолго.

– С вами все в порядке, Дмитрий Евгеньевич?

– Со мной все в порядке, – уверил ее Долгов тихим голосом. – Я сейчас быстро решу вопрос с ГАИ, и... мы поговорим. Хорошо?

– Я лучше подожду, – весело сказала анестезиолог. – Заодно послушаю, как вы решаете такие вопросы!

Машины ревели, над дорогой вечерело, небо на западе над многополосным шоссе плавило и истекало жидким золотом, и Долгов вдруг подумал, как давно не был в отпуске.

И еще он подумал, что жизнь прекрасна. Пострадавшего довезли, и теперь им занимается Павел Сергеевич Ландышев или кто-то из его службы, а это значит, что все, что можно сделать, будет сделано!..

– Ну чего? – повеселев, спросил он гаишника. – Можно ехать-то?!

– То есть вас никто не вызвал, а вы просто так, чисто мимо проезжали?!

– Ну, наконец-то, – похвалил его Долгов, – все в точности так и было. Чисто мимо ехал, чисто с работы.

– А вы кто?!

– Я врач, – в сто первый раз отрекомендовался Долгов и извлек из кармана визитку. – Вот все мои телефоны, если я вам понадобится, можете звонить.

– А «д.м.н.» – это что такое означает? – спросил гаишник, уставившись в визитку.

– Доктор медицинских наук. Я поеду, ладно? Вот прямо сейчас!

– А тут написано, что вы профессор! – вдруг радостно сказал гаишник, словно уличил Долгова в чем-то постыдном, но довольно смешном.

– Я поеду, да? – повторил Долгов с нажимом и открыл дверь джипа.

Гаишник молча наблюдал за ним, а когда Долгов уселся и уже ногу на газ ставил, вдруг снова махнул своей палкой.

Профессор озверел.

– Да что ты будешь делать!.. – И в телефон: – Мария Георгиевна, еще секунду. Ну, чего тебе?!

Гаишник, не торопясь, подошел, взялся обеими руками за дверь, нагнулся и просунул голову внутрь.

– Чего надо-то?!

– А вы профессор... чего?

– Медицины, ты не поверишь!

– Не, я верю! Те, – и он мотнул головой в сторону людей, которые все еще топтались посреди шоссе рядом с гаишной машиной, – вон те сказали, что вы тому, который лежал, жизнь спасли!

– Ничего я не спасал, – перебил Долгов, – его реанимация сейчас спасает!.. Говори быстрее, чего ты хочешь?!

– Мама болеет, – погрузнев, сказал гаишник. – Может, посмотрели бы?

– Хорошо! – Долгов воткнул передачу, ему очень хотелось уехать. – Позвони, и мы обо всем договоримся! Понял?

– Понял, спасибо, – просиял гаишник, еще немного подумал, повисел у Долгова на окне, потом отступил, опять почесал за ухом и спросил: – Может, вас проводить? Вы же вроде торопитесь! Машинка бы проводила, ласточкой долетели бы!

Долгов очень красочно представил себе, как подруливает к ресторану, где Алиса все еще развлекает Михаила Ефимовича, в сопровождении милицейской машины, как сине-красные всполохи мигалки зажигательно и несколько даже по-дискотечному озаряют мирную Маросейку. Еще он представил, как Алиса непременно хлопнется в обморок, а Михаил Ефимович начнет хохотать и интересоваться, за что именно Долгова наконец-то «повязали»!

– Провожать не надо! – сказал профессор громко, стараясь не смеяться. – А маму я посмотрю, конечно! Ты звони!

И тронулся наконец-то с места.

– Але, Мария Георгиевна!

– Я здесь, Дмитрий Евгеньевич.

– Простите, что так долго, я же говорил, что перезвоню!

– А я говорила, что вопрос пустяковый!

– Все равно мне... неудобно, – пробормотал Долгов, встраиваясь в поток. – Вы про завтрашний день?

– Зря вы от сопровождения отказались, – помолчав, все-таки съехидничала анестезиолог, – ох, зря, Дмитрий Евгеньевич, дорогой вы мой! И почетно, и приятно!

Долгов молчал.

Он умел так молчать, что все, даже самые неосведомленные, сразу понимали, что тему лучше не развивать, а переключиться на какую-нибудь другую, и побыстрее!.. Мария Георгиевна как раз была осведомленной.

– Я хотела спросить, во сколько вы завтра планируете начать и кого первого подавать.

– Мне чем раньше, тем лучше, Мария Георгиевна. Давайте в полдевятого начнем, только точно, без опозданий. Чтобы человек уже лежал и... все такое.

– Это значит, мне на работу нужно приехать к семи, что ли, я не поняла?

– Мария Георгиевна, ну вы же знаете!

– Знаю, – сказала она, и в голосе у нее звучали какие-то странные, то ли уважительные, то ли, наоборот, насмешливые нотки. – И вот клянусь вам, если бы не вы, Дмитрий Евгеньевич, а кто другой мне сказал, чтоб я к семи на работу приперлась, я бы!..

И совершенно изменив тон:

– Кого первого берем?

– А вы кого предлагаете?

– Я предлагаю желудок.

Долгов подумал немного.

– Ну хорошо, давайте желудок, потом желчный пузырь, а следом девушку. Да?

– Думаю, да.

– Или нет. Давайте девушку сначала, а потом уже этих. С ними по крайней мере все понятно, а у нее могут быть осложнения.

– А если у нас с ней все затянется? У нее же там проблемы какие-то?

– В клинике у нее не все сходится с данными обследования, – сказал Долгов и еще немного подумал. Трубка ждала. – Ну, хорошо, Мария Георгиевна, тогда давайте, как вы предлагаете, сначала желудок, потом пузырь, а потом уже ее!

– А все-таки зря вы, Дмитрий Евгеньевич, от милицейского сопровождения отказались!

И они попрощались до завтра, вполне довольные друг другом.

Мария Георгиевна заведовала отделением реанимации в триста одиннадцатой клинической больнице, и лучшего анестезиолога еще свет не рождал. Долгов старался оперировать только с ней, даже когда это было не слишком удобно, даже когда остальные обижались, даже когда приходилось оперировать в других больницах, где, разумеется, никаких пришедших анестезиологов не жаловали.

Телефон опять зазвонил, когда он съезжал со МКАДа в город.

– Дима, – сказала Алиса приглушенно, явно закрыв трубку рукой, – я ему уже рассказала все, что знала!

– Переходи к тому, чего не знаешь.

– Дим, ты где?!

– Уже недалеко, – лихо соврал Долгов. – Тебе осталось продержаться совсем недолго.

– Да я уже не знаю, о чем с ним говорить!

– Расскажи ему биографию Христиана Теодора Альберта Бильрота.¹

– Зачем?!

– Ну, чтоб вам было о чем поговорить. Вдруг она его увлечет? В смысле, биография Бильрота увлечет Михаила Ефимовича.

– Дим, у тебя точно ничего не случилось?

По голосу и по вопросу было абсолютно понятно, что отвечать нужно правду, только правду и ничего, кроме правды.

¹ Бильрот – немецкий хирург (1829—1894), один из основоположников современной хирургии. Впервые произвел удаление гортани, пищевода, мочевого пузыря.

– Алисочка, – сказал он специальным подхалимским тоном, – я ехал по МКАДу, и там, где поворот, знаешь, от сороковой больницы...

– Знаю, там всегда аварии!

– Вот именно.

– Дима, ты попал в аварию?!

– Нет, я не попал в аварию. В аварию попали другие люди, и я довольно долго с ними возился.

– И... что? – спросила она тихо. – Всех спас?

– Ты как гаишник! – рассердился Долгов. – Он тоже спрашивал какие-то глупости в этом духе!

– Понятно.

– Да все нормально, правда! Я тебе потом расскажу. – И тут он подумал, что нужно обязательно позвонить в сороковую или даже съездить, узнать, как там тот самый, с кровотечением и «острым животом», Андрей или Сергей, он уже и не помнил точно!..

Профессор Потемин часто повторял, что хороший врач обязан заниматься пациентом – от начала и до конца лечения. Плох тот хирург, который умеет лечить только «ножиком». «Ножик» – великая штука, но больного нужно еще уметь выхаживать и, как это ни банально, заботиться о нем.

Долгову нравилось слово «выхаживать» – что-то старомодное было в нем, старомодное и очень надежное!..

– Я скоро буду, – сказал он в мобильник, где уже пиликал параллельный вызов. Профессор быстро оторвал трубку от уха, чтобы посмотреть, чей именно вызов, и не узнал номер. Значит, какой-нибудь новый или только что поступивший больной. – Жди меня и налегай на биографию Дюбуа-Реймона.

– Ты же сказал: Бильрота!

– Реймон тоже великий врач, ничуть не хуже твоего Бильрота, – быстро выговорил он. – Ну все. Пока.

– Я тебя жду, – сказала Алиса очень тихо.

Она могла бы сказать – я тебя люблю, я все время по тебе скучаю, несмотря на то, что мы много лет вместе и уж должны бы привыкнуть друг к другу! Еще она могла бы сказать – приезжай скорей, я замучилась без тебя, ты очень долго не едешь, а завтра у тебя тяжелый день, и мы опять ни о чем не поговорим, и когда наконец доберемся до дома, ни у тебя, ни у меня уже не будет сил на беседы.

Я волнуюсь за тебя, могла бы сказать она. Беспокоюсь. Я схожу с ума, когда ты будничным тоном говоришь про аварию на МКАДе. Я знаю, как ты устал, и знаю про три твои завтрашние операции, одна другой тяжелее, и про больную, которая теперь будет морочить тебе голову, и про ее нервного мужа, и про заведующего отделением, который хочет доказать главврачу, что Дмитрий Евгеньевич – не бог отец и бог сын в одном лице, мол, мы тоже не лыком шиты, кое-что понимаем и в институтах обучались! Он-то хочет доказать и докажет, а тебе придется все это выслушивать, принимать умный вид – ах, как я хорошо знаю это твое выражение, когда внешне ты спокоен и внимателен, а внутренне напряженно считаешь минуты, когда уже можно будет уйти от нелепых, дурацких, забирающих драгоценное время разговоров к своим операциям, к своим больным!

Я понимаю, что ты занят – именно потому ты не спросил меня ни о чем, хотя знаешь, что утром я была у врача. Я пользуюсь «Миреной» – вот уже пять лет, с тех пор, как она появилась на рынке, – и именно поэтому у нас с тобой нет никаких проблем с незапланированной беременностью, я не покупаю ежесекундно тесты и не мучаюсь подозрениями, что все сроки прошли, а ничего не происходит! Ты не спросил не потому, что тебе наплевать на меня и на мои проблемы, а потому что у тебя полно своих!..

Я так тебе сочувствую, могла бы сказать она, и изо всех сил стараюсь помогать – вот Михаила Ефимовича развлекаю, например! – но что моя помощь в сравнении с трудностями твоей жизни!

Так мало я могу. Почти ничего.

Наверное, если бы у Долгова было пять минут, или даже две, он тоже подумал бы о чем-нибудь романтическом и любовном, но у него не было ни двух, ни пяти. Вызов все пиликал, он еще раз взглянул на номер и ответил.

– Хочешь, анекдот расскажу? – весело спросили из трубки. – Или ты на заседании Британского хирургического общества в Британской королевской медицинской академии?

Долгов, который начал улыбаться, едва заслышав этот голос, сообщил, что он в машине, а не на заседании.

– Домой, что ль, едешь?! – удивились в трубке. – Да быть такого не может! У тебя, по моим подсчетам, сейчас самый разгар рабочего дня!

– Я на встречу еду, Эдик.

– С девушкой встречаешься, конечно?

– С девушкой и с юношей, – сообщил Долгов.

– Как?! – поразила трубка. – Сразу с обоими?! Это что-то новое в твоей жизни, Дмитрий Евгеньевич! На эксперименты потянуло? А девушка хорошенькая?

– Очень, – сказал Долгов с удовольствием. – Зовут Алиса. Имя тоже красивое, правда?

– Так у тебя с Алисой свидание или с девушкой?!

– С девушкой Алисой. И с Михал Ефимовичем из Минздрава. И давай анекдот, ты же хотел анекдот рассказать!

– Это даже не анекдот. Это народная примета такая. Если чайка летит жопой вперед, значит, сильный ветер! Понял?

Долгов засмеялся и сказал, что понял.

– Слушай, Дим, мне бы к тебе человечка пристроить в триста одиннадцатую. Возьмешь?

– А что у него?

– А хрен его знает. Но он какой-то большой начальник, бывший депутат, и всякое такое. Мне его тоже через третьи руки пристроили, но он уж совсем не по моей части! У него желудок, а я, ты ж понимаешь, все больше носы и задницы делаю!

Эдуард Абельман был знаменитым на всю Москву пластическим хирургом.

– Я бы ему, конечно, пришил желудок к заднице, – продолжал развлекаться Эдик, – но нехорошо так с большими начальниками поступать, как ты думаешь? Зато ко мне знаешь кто на прием сегодня приходил?

– Не знаю, – признался Долгов.

– Таня Краснова.

Долгов понятия не имел, кто такая Таня Краснова.

– Ты чего?! – поразился Абельман. – Сдурел совсем?! Татьяна Краснова, ведущая с Первого канала! Ну, самая красивая баба в телике! Самая грудастая! «Поговорим!» называется!

– Что значит – поговорим?.. – не понял Долгов. – Мы и так говорим!

– Ток-шоу так называется, – как слабоумному, почти по слогам объяснил Абельман. – «Поговорим!» Она его ведущая. Сегодня приходила ко мне.

– Очень хорошо, – Долгова решительно не интересовала грудастая ведущая с Первого канала. – А этот дядька все-таки откуда?

– От верблюда, – сказал Абельман необидно. – Он позвонит, скажет, что от меня, и ты его примешь! Договорились, гений отечественной медицины?

– Ну, конечно, – Долгов мельком глянул на часы. Опоздание из просто неприличного становилось уже свинским. – Дай ему мой мобильный, и пусть он звонит.

– Возьми с него денег побольше, – жалобно попросил Абельман. – Он заплатит, сколько скажешь. Раз уж мне ничего не перепало, хоть ты возьми, да побольше!.. Но ты же у нас убогий, что ты там с него возьмешь!.. По тарифу!

– Да я вообще всех обираю, – не согласился выжига и плут Долгов, – до нитки практически.

– Пока, – попрощался Абельман. – Так он тебе завтра или послезавтра позвонит.

– Пока, – и Долгов переключил линии. В трубке давно пиликал параллельный вызов.

Глебов собрал со стола бумаги и посмотрел на своего потенциального подзащитного.

Подзащитный ему решительно не нравился, и Глебов досадовал на себя за это. Всем известно – в теории, конечно! – что врачи и адвокаты должны быть беспристрастны и одинаковы со всеми, кого берутся лечить или защищать. Американская формула «ничего личного» в данном случае была абсолютно уместна, но Глебов ничего не мог с собой поделать.

Отвернувшись от стола и запихивая в портфель бумаги, Глебов даже сквозь зубы пробормотал магическую формулу вслух:

– Ничего личного!

Заклинание ничуть не помогло, зато подзащитный встрепенулся и уставился на адвоката.

– Это вы мне?

– Что?

– Ну, вы сейчас что-то сказали!

– Это вам послышалось, – стараясь быть любезным, выговорил Глебов. Как всегда, когда очень стараешься получить одно, выходит совсем другое – вот и у Глебова получилось грубо, и подзащитный в ответ на его грубость улыбнулся тонкой и грустной улыбкой.

– А ведь я вам не нравлюсь, Михаил Алексеевич, – сказал он печально.

Глебов мрачно подумал, что почему-то людей подобного рода все время тянет демонстрировать эдакую прозорливость, эдакое знание жизни, в глубину их все тянет-потягивает, на достоевщину!..

Я, мол, насквозь тебя вижу, и все твои бесы для меня открыты, и ты должен знать, что они для меня как на ладони, – вот такой я тонкий человек, и смотрю я тебе прямо в печеньку и селезенку, и ничего ты от меня не скроешь!..

Впрочем, адвокаты и врачи должны быть беспристрастны! Ничего личного, ничего личного, чтоб ты провалился совсем!..

– Евгений Иванович, – начал Глебов обычным голосом, не сдобренным кленовым сиропом, – я ваш адвокат и сделаю все для того, чтобы у вас и издательства не возникло... ненужных проблем.

– Да уж, от проблем вы меня увольте, господин адвокат!

– Я постараюсь, – повторил Глебов с нажимом и улыбнулся. Расстегнутый портфель он держал за ручку, бумаги выехали из него, угрожая вот-вот вывалиться на ковер. Глебов не обращал на это никакого внимания. – Но это не так просто, как, может быть, вам кажется. На нас подали в суд сразу несколько...

– На нас – это на кого? – спросил прозорливец с прежней тонкой улыбкой.

– Лично на вас, как я уже сегодня вам сообщал. И ваше издательство обеспокоено...

– Ну, проблемы издательства меня не касаются! – вспыхнул прозорливец. – И если бы вы только знали, молодой человек, куда бы я засунул и издательство, и вас, и этих, что в суд подали, мало бы никому не показалось! Была б на то моя власть и воля!..

Это означает, быстро подумал Глебов, что сейчас у тебя нет ни воли, ни власти, ведь так? И если ты весь из себя такой умный, сильный и тертый калач, как же у тебя выходит – что на уме, то и на языке?!

Подумав так, он развеселился.

Ничего личного, как же!..

– Да мне только рукой махнуть, и я буду на Багамах, и в гробу я видал суды всякие! – гневался клиент.

– Ну, пока вы не можете улететь даже в Тамбов, Евгений Иванович.

– Это вы на подписку о невыезде, что ли, намекаете, господин адвокат?! Да я чихать хотел на эту подписку! Десять и еще один раз! Что мне эта филькина грамота?! Да вы хоть знаете, какие у меня связи?!

О связях Глебов был отлично осведомлен.

– А если знаете, так чего вы мне про подписку толкуете?! Я остаюсь, только чтобы весь цирк до конца доглядеть, вдруг еще что-нибудь интересное покажут!

Глебов поглубже затолкал в портфель бумаги и наконец застегнул его.

Ты здесь остаешься, потому что деваться тебе некуда, опять подумал он со ржавым мысленным скрежетом. Никто из «старых друзей» не ринулся тебя спасать, никому ты не нужен, и прекрасно знаешь об этом!

Потенциальный подзащитный пристально посмотрел Глебову в лицо и вдруг сказал плачущим голосом:

– А если вы не хотите меня защищать, то я скажу, чтоб адвоката мне поменяли! Что это такое?! Я еще должен перед мальчишкой оправдываться!

Сорокалетний Глебов, выигравший десяток очень громких процессов и не один десяток менее громких, длинно вздохнул.

Можно, конечно, сказать Ярославу, чтобы нашел для своего автора какого-нибудь другого адвоката, но... отступать не хотелось, да и дело казалось не слишком сложным. Подзащитный, конечно, не очень приятный человек, но не бросать же из-за этого дело, которое еще даже не началось!

– Евгений Иванович, – Глебов присел на стул возле громадного стола на четырех стеклянных квадратных ногах, подсвеченных изнутри. И кто это придумал поставить в рабочем кабинете такой стол?! Наверняка дизайнерша, изучавшая ремесло в столице мира городе Париже, и наверняка зовут ее Изольда! – Вы напрасно рассердились на меня. У нас с вами пока нет никакого контакта, а мне необходимо, чтобы он был. Ну по крайней мере желательно! Я не смогу вас защищать, если так и не пойму, зачем вы написали эту книгу, да еще вписали туда людей под настоящими фамилиями! И не последних людей!

Глаза у Евгения Ивановича сделались непроницаемыми. Эту науку, как изменять взгляд, он тоже усвоил отлично. Глаза у него то искрились весельем, то горели озорным огоньком, то вспыхивали гневом, то становились непроницаемыми. Глебов так и видел, как Евгений Иванович репетирует перед зеркалом, заложив руку за лацкан пиджака.

А теперь давай гнев, говорит он себе, и послушно гневается по собственному заказу!

– Эта книга – пророчество, – сообщил Евгений Иванович значительно и из взора непроницаемого быстренько сотворил взор проникновенный. Руками он все время шарил по столу, и это отвлекало Глебова, мешало сосредоточиться.

– В каком смысле? – уточнил адвокат, стараясь не раздражаться. – То есть в этой книге вы говорите о будущем? О реальном будущем?

– Пророчество, – повторил Евгений Иванович еще более значительно.

– Так. – Глебов снова открыл портфель и извлек на свет божий тяжелую холодную книгу в солидном неброском классическом переплете, пестрящую закладками. Портфель он бросил на пол. Застежка открылась, и теперь портфель напоминал замученную собаку с высунутым языком. – Вот здесь, страница тридцать четыре, написано, что президент «Омега-банка» Сикорский в девяносто восьмом году лично организовал дефолт путем подкупа должностных лиц и устранения тогдашнего генерального прокурора Синяева, который, как всем известно,

был найден возле своего подъезда с несколькими огнестрельными ранениями. Синяев чудом выжил, а его водитель погиб. Дело так и не было раскрыто.

Евгений Иванович монотонно и недовольно кивал.

Должно быть, в данный момент он изображал Льва Николаевича Толстого в момент зачитывания Софьей Андреевной вслух счетов за сено и шинельки для старших сыновей.

– На странице сто семнадцатой речь идет о первой чеченской кампании и о том, что генерал Ворон вместе с олигархом Сосницким, который тогда еще проживал не в Лондоне, а в Москве, ездили в Грозный к Дудаеву и привезли ему наличными три миллиона долларов для вооружения чеченских ополченцев и оплаты арабских наемников. – Глебов мельком взглянул на недовольного пророка. – Сто сорок седьмая страница. Здесь действующий президент дает указание расстрелять другого олигарха, Дмитрия Белоключевского, и его расстреливают на даче вместе с женой, причем в расстреле принимает участие министр обороны Сергей Петрович Петров.

– Ну да, да, я же сам это писал! Я все отлично помню, зачем вы мне это цитируете?!

– Генерал Ворон на нас подать в суд не может, потому что разбился на вертолете. Дудаев тоже не может, его убили. – Глебов аккуратно закрыл злополучную книгу. – Сосницкий жив и здоров, хоть и в Лондоне. Белоключевский тоже жив и в Москве по-прежнему. И президент вроде бы в добром здравии и на своем посту. Синяев – министр юстиции, а Петров – министр обороны. Ну, президента можно исключить, ему до нас с вами, Евгений Иванович, никакого дела нет. На нашу долю Белоключевского, Синяева и Петрова хватит за глаза. Если все, что написано в вашей книге, имеет под собой реальную почву, значит, мы с вами будем добывать документы, свидетельские показания и упираться на то, что вы разоблачили заговор, да еще какой!.. В этот заговор были вовлечены не только армейские генералы, но и самые богатые люди страны, чиновники и даже президент! – Глебов приостановился и посмотрел в окно. – Такого заговора со времен убийства Цезаря мир еще не видал, да и про тот заговор мало что изве-стно!

При упоминании Цезаря Евгений Иванович чрезвычайно оживился.

– Вы думаете, есть аналогия с убийством Цезаря?!

– У вас в книге я насчитал тридцать шесть убийств, – сообщил Глебов. – В каком именно вы хотите проследить аналогию?

Евгений Иванович открыл рот, чтобы сказать что-то, но тут же захлопнул. Было слышно, как лязгнули зубы.

Глебов, стараясь быть очень убедительным, перегнулся к нему через стол:

– Евгений Иванович! Может, бог с ним, с Цезарем, заговором и пророчествами? Если все написанное – ваша авторская фантазия, вы должны сообщить мне об этом, чтобы я мог выстроить какую-то более или менее адекватную линию защиты. А мы с вами все никак не можем договориться!

– Защищать – ваше дело. Мое дело писать.

– Вы ведь и так пишете. Это не первая ваша книга! Вы всю жизнь проработали во власти, у вас бизнес, вы богатый человек! Вы же не можете не понимать последствий! Если вы будете настаивать на том, что события, описанные в книге, подлинные, но ничем этого не подтвердите, вы угодите в тюрьму за клевету и оскорбление чести и достоинства вполне уважаемых людей!

– Какие это люди уважаемые?! Сосницкий с Белоключевским?! Сопляки, мальчишки! – Евгений Иванович вдруг сделал страшное лицо, вскочил на ноги, стиснул кулаки и приготовился со всего размаху стукнуть по столу. Однако в последний момент вспомнил, что стол стеклянный, и стукнул потихонечку, вполсилы. – Или этот ваш Синяев уважаемый?! Или Петров?! Да кто они такие?! И покажите мне хоть одного человека, который их уважает! Если и найдется в стране такой, то только сумасшедший! – Желваки заходили у него на скулах, физиономия покраснела, и даже шея налилась краснотой – вот какого страха нагнал на себя

Евгений Иванович! – Чего вы меня уговариваете?! Вы хотите, чтоб я отступился?! Так я не отступлюсь, ни за что не отступлюсь!

– От чего не отступитесь, Евгений Иванович?

– От своей позиции!

– А какая у вас позиция?

– А такая, что страна наша – дерьмо, и люди в ней – дерьмо, и руководители – дерьмо, только замаскировались! И если все боятся, как этот ваш иудейский издатель, значит, я один останусь и все равно вперед пойду! Один, знаете ли, господин адвокат, тоже в поле воин! – Евгений Иванович в отдалении, позади огромного стола, потряс в направлении Глебова пальцем. – И вы меня не запугаете!

– Да я вас не запугиваю, – сказал Глебов задумчиво.

В данный момент «молодой писатель» и не слишком молодой человек Грицук Евгений Иванович сильно переигрывал, и его адвокату хотелось бы знать почему. Вроде бы Евгений Иванович вовсе не был дураком, несмотря на то, что тиснул разоблачительную книжицу странного, невероятно фантастического содержания, но людей обозначил подлинных, поименовал их, как в жизни, и скроил каждому из них по кошмарному и ужасному преступлению!

Ярослав Чермак, издатель, которого Евгений Иванович в запальчивости обозвал иудеем, печатать сомнительный роман отказался, и Грицук триумфально издал его где-то в глубоком тылу, то ли в Гречишкинске, то ли в Епифани. Роман на столичные полки пробрался не сразу, ибо до своего крестового похода Евгений Иванович в разоблачителях не числился, а мирно пописывал повести в стиле фэнтези под псевдонимом Фридрих Б. Ар-Баросса. Глебов по долгу службы одну такую повесть даже прочитал и нашел ее занимательной – в той части, где автор Грицук – Б. Ар-Баросса не описывал любовную страсть героев. Там, где описывал, Глебов пропускал, ибо сводилось все к одному и тому же – бабы сволочи, а что делать?..

И что интересно – для людей, подобных Евгению Ивановичу, нет худшего ругательства, чем «иудей», вот и Ярослав Чермак удостоился со всего размаху этого звания, хотя никакого отношения к народу Израилеву никогда не имел. В чем тут дело?! И как это объяснить?! Вот почему, если человек плохой и за народ не бьется, – значит, он еврей?! Хотя Чермак-то как раз за народ, то есть за Евгения Ивановича, бился, да еще как! Адвоката ему дал, хотя за книжку не отвечал, и, по большому счету, иск издательству никто предъявить не мог, это уж Глебов интересы издательства просто так поминал, для важности, да еще чтобы проверить, сожрет это Евгений Иванович или не сожрет. То есть вслушивается он в то, что говорит ему адвокат, или не вслушивается.

Выходило, что Евгений Иванович не вслушивался, и вообще данное дело, грозившее ему огромными штрафами, а то и вовсе запрещением заниматься писательской деятельностью, его мало интересует.

Только что он вдруг выдумал какую-то теорию заговоров, о которой до сего момента адвокат не слыхивал, – просто так выдумал, для интересу, или для какой-то непонятной Глебову игры!

– Я пойду до конца, – словно обессилев, тихим голосом произнес Евгений Иванович, опустил в кресло и прикрыл глаза пухлой рукой. – И никто меня не остановит. Я знаю, что за такие вещи, – и он кивнул на книгу, – у нас в стране принято убивать. Но если не я, то кто же?! Кто тогда?!

– Если не вы... что? – уточнил Глебов.

...Или поговорить, что ли, с Ярославом? Пусть Грицук Евгений Иванович ищет себе другого адвоката и рассказывает ему о том, как министр обороны расстрелял одного богатого человека, а президент с небольшим контейнером полония-19, припрятанным на груди, подползал под столом в ресторане к другому человеку, чтобы этот самый полоний опрокинуть ему в суп!

– Если я не смогу, то никто не сможет! Только мне это под силу!

– Не сможет... что? – не отставал противный Глебов.

– Разоблачить!

– Разоблачить – это значит предать гласности некие компрометирующие факты, которые были скрыты от общественности. У нас есть эти факты?

– Вот они! – И Евгений Иванович указал дланью на книгу. – Все здесь.

– Это не факты. Пока что это поклев и клевета на честных людей.

– Да как вы смеете, господин адвокат!..

Глебов, которому надоело все это, даже головой замотал.

– Все, Евгений Иванович, все! Вы прекрасно понимаете, о чем идет речь, и я понимаю, что вы понимаете! Или вы мне рассказываете, в чем тут дело, или я отказываюсь вас защищать. Больше того, я и Чермаку посоветую не вмешиваться. Книга издана в другом издательстве, к Чермаку никаких претензий быть не может, поэтому помогает он вам просто так, потому что человек хороший.

– Он видит выгоду, господин адвокатик! Свою прямую выгоду, и больше ничего! Он же ростовщик! И вы видите только выгоду! Но ничего! Ничего!.. Когда мой труд будет переправлен на Запад, о нем узнают и заговорят...

– Вы перепутали времена, – перебил его Глебов и поднялся. – То время, когда книги нужно было переправлять на Запад, минуло лет... тридцать назад. Вы прекрасно об этом знаете и все равно ваньку валяете. Зачем?..

Евгений Иванович смотрел на адвоката задумчиво, кажется, прикидывал что-то, подсчитывал, анализировал.

– Пока я не пойму, зачем вы это написали, я не смогу вам помочь. Об этом я уведомлю господина Чермака.

– То есть вы отказываетесь меня защищать?

– В данный момент я не понимаю, как мы с вами можем сотрудничать.

Евгений Иванович проворно поднялся, обежал стол, взял Глебова за плечо – тот даже немного назад подался, – надавил и заставил адвоката сесть. Глебов покорился и сел.

– Это шифр, – шепнул ему на ухо Евгений Иванович и тревожно оглянулся по сторонам.

– Какой шифр?

– Книга – шифр, – сунув губы почти ему в ухо, просвистел писатель. – Но если кто-нибудь об этом узнает, мне хана! Крышка! Я пропал!

Может, он с приветом, вяло подумал Глебов. Ну, бывают же ненормальные люди! И псевдоним у него Б. Ар-Баросса, вполне подходящий для палаты номер шесть.

Широкая ореховая дверь вдруг распахнулась, и в нее, не переступая порога, заглянул Ярослав Чермак, издатель. Заглянул, увидел сидящего адвоката и Евгения Ивановича, вставившего губы ему в ухо, и костяшками пальцев легко постучал в дерево.

– Можно? Или вы еще не закончили?

– Можно!

– Нельзя, мы заняты!

Эти совершенно противоречащие друг другу ответы Глебов и его клиент произнесли хором и усталились на Чермака. Тот подумал немного и зашел в кабинет.

– Просто вы уже давно совещаетесь, – сказал он весело, повернулся и крикнул в сторону приемной: – Свет, принесите нам всем по рюмке кофе и по шоколадной конфете! А мне еще можно сигарет! Евгений Иванович, дорогой вы мой, простите бога ради, но мне работать надо! Я и так вон директора Рыбинского полиграфкомбината в зимнем саду принимал!

Чермак говорил, переводя взгляд с одного на другого, и продвигался к своему креслу, на ходу подбирая с полки какие-то бумаги. Обошел стол, уселся и сложил на стеклянной поверхности загорелые ухоженные руки.

– А Рыбинск, между прочим, нам весь план выпуска продукции завалил, – сказал он, очевидно, первое, что пришло в голову, – и директор в зимнем саду как начал на кактусы с горя кидаться! Еле оттащили! Можно мне немножечко в своем кабинете поработать? Тут и кактусов нету, и спокойней как-то!

Вошла красавица секретарша, внесла поднос, уставленный крохотными чашками, серебряными сахарницами со щипчиками и вкусно запотевшими бутылочками с минеральной водой.

Глебову она нравилась – давно! – и поэтому он старался на нее не смотреть.

Чермак знал, что Глебову она нравится, поэтому пытался занять ее чем-нибудь в непосредственной близости от Глебова.

– Вам с сахаром, Михаил Алексеевич?

– Спасибо, я сам положу.

– Свет, налей ему воды.

– Спасибо, я сам налью.

– Свет, тогда разверни ему конфету и засунь в рот.

– Спасибо, я сам... засуну.

Тут Глебов вдруг понял, *что* именно сказал, и покраснел до ушей. Света засуежилась, уронила серебряную ложечку, они вместе нагнулись, чтобы поднять, и получилась мизансцена – как в кино.

Чермак качался в кресле и наблюдал, совершенно позабыв про писателя Грицука.

Эта игра и издателя, и адвоката, и даже секретаршу увлекала гораздо больше, чем книга-бомба-шифр, и это было всем понятно.

– Ну, я пошел, – сообщил Евгений Иванович мрачно.

– До свидания.

– Я вам позвоню.

– Всего хорошего, Евгений Иванович.

Вот молодежь, подумал писатель мрачно. Ничего святого!.. Даже на рабочем месте, и то!..

– Мне на какое-то время нужно спрятаться. – Он выпустил последнюю стрелу. – Я опасаюсь мести.

– Конечно.

– Да-да, Евгений Иванович.

– До свидания, Евгений Иванович.

Писатель помолчал.

– Я решил лечь в больницу. Что-то желудок пошаливает и... О месте своего пребывания я вам сообщу.

Он пошел к двери, взяв под мышку свой экземпляр «бомбы», но остановился и спросил у Глебова:

– А почему, по-вашему, я не могу улететь в Тамбов?

Глебов обернулся, глаза у него блеснули.

– А? А, в Тамбов!.. Да туда никто улететь не может, Евгений Иванович. Там просто нет аэропорта!

Таня проснулась поздно и некоторое время пыталась сообразить, отчего настроение такое гадкое. Обычно она всегда просыпалась в хорошем настроении, и предстоящий день ее радовал, и на работу хотелось, и казалось, что сегодня-то уж точно все получится.

Как правило, ничего особенного не получалось, но, ложась спать, она всегда говорила себе, что завтра-то уж точно все будет замечательно – и просыпалась в хорошем настроении.

Она повозилась под одеялом, так и сляк потянула шелковую пижаму, которая за ночь закрутилась вокруг нее, как кокон, руку не вытянуть! Кокон не распутывался, хоть тресни!

Было время, когда она спала без всякой пижамы, и вообще без всего, страшно вспомнить – голая она спала, вот какое было время! И относительно недавно!.. Как это получилось, что она теперь спит в пижаме?

Зацепившись за эту мысль, она стала думать про пижаму, чтобы не анализировать свое плохое настроение, и вспомнила – два года назад в ее жизни появился герой-мужчина, любовь до гроба, наконец-то, наконец-то!.. И она стала спать в пижаме.

Мужчина ее жизни не любил, когда она таскалась с утра по спальне голая. Ему это казалось не то что непристойным, а просто... ну, неуместным, что ли!

Всею свое время, так он считал. Утром время собираться на работу, а не отвлекаться на всякие глупости. А может, вид голой Тани просто его расстраивал – с эстетической точки зрения. Совершенством она никогда не была.

Ну, точно. Вот в чем дело! Конечно, именно в этом!..

Таня замычала хриплым утренним мычанием – хрип происходил от неумеренного количества сигарет, выкуренных на ночь, – и по-турецки села на кровати.

Ни один лучик света не пробивался сквозь плотно задернутые шторы – а ведь было время, когда она вообще не задергивала штор! Страшно подумать, так и спала у всех на виду, а по утрам еще и голая ходила!

– Утро же сейчас, – сказала она громким хриплым жалобным басом. – Утром должно быть солнышко!

Все дело в том, что у нее сегодня день рождения. Совершенно неприличная дата, во всех отношениях неприличная!.. Сорок лет ей сегодня – какой ужас!

Вроде же только что было двадцать пять, и это праздновали на родительской даче, и напились вдребезги, потому что Паше Прохорову, соббору в Иерусалиме, и Андрюше Галкину, корреспонденту РИА, пришла в голову фантазия варить водку с кофе! Они утверждали, что так пьют в Европе. Им все поверили, потому что в Европе, кроме них, никто отродясь не бывал, вот и вышло, что напились!.. И мама еще страшно огорчалась, что приличные мальчики и девочки так неприлично себя ведут, и несколько лет поминала Тане этот самый день рождения!..

– Колечка! – позвала Таня и прислушалась. – Колечка, ты дома?

Никто не отзывался. Одно из двух – или Колечки дома нету, или он смотрит телевизор. Когда он сидит у телевизора, хоть тайфун, хоть цунами, хоть землетрясение – ничего не замечит!..

Боже мой, сорок лет! Быть такого не может!

Таня неловко слезла с кровати. Дурацкая пижама так запуталась, что поначалу невозможно было пошевелить ни ногой, ни рукой, и пришлось трясти всеми конечностями по очереди, чтобы ее расправить. Расправив, Таня с тоской посмотрела на себя в зеркало. И красоты никакой нет в этой пижаме! За ночь шелк мялся так сильно, что казалось, его жевала корова – или несколько коров сразу!

– Колечка-а! Ты уехал?

Волосы торчали в разные стороны, причем с одного боку гораздо сильнее, чем с другого, как-то на редкость несимметрично они торчали, и Таня несколько раз с силой попыталась их пригладить. Ничего не помогло. На ладонь, что ли, поплевать?..

Из-за этих самых сорока лет они вчера и поругались. Да еще как поругались!..

Коля считал – должно быть, совершенно справедливо, – что такую красивую дату они должны отмечать вдвоем.

Господи, что за словосочетание – красивая дата?! Что за ужас такой?!

Свечи, легкий изысканный ужин с белой рыбой, легкий аромат белых роз, легкое белое вино, легкие поцелуи – хорошо хоть не белые! – легкое головокружение от любви и от выпитого, а потом легкая романтическая ночь и утро в пижаме! Ну, что поделать, положено встречать сорокалетие в обществе любимого мужчины!

Таня знала совершенно точно, что она будет встречать это самое сорокалетие только и исключительно на работе – у нее сегодня прямой эфир, и после эфира всей бригадой они поедут в ресторан, а потом еще куда-нибудь догуливать, ну, как обычно! И Андрюха Малахов должен подъехать, и Володя Соловьев, и Катя Стриженова, и даже Катин муж Саша, может быть, приедет, если освободится, хотя он «в производстве», снимает кино, и у него как раз съемочные дни! Таня знала, что «девочки и мальчики», редакторы, режиссеры, ассистенты, корреспонденты от двадцати и до шестидесяти лет, все, кто работал на ее программе, уже месяц «ждут праздника». Все шушукаются с заговорщицким видом, перебегают из кабинета в кабинет, замолкают, когда она входит, и оглядываются на нее с видом немецких генералов, неожиданно обнаруживших у себя в штабе Штирлица, склонившегося над картой укрепрайонов!

Какой там романтический ужин и белое вино, когда все «Останкино» уже месяц жаждет накатить водки как следует, зачесть стишата собственного сочинения, рассказать всем собравшимся, что было, когда Танечка Краснова «вот в таких очках и вот в таких ботах» первый раз пришла в редакцию на работу, а тогдашний начальник Сережа Иваницкий – «Сереж, покажись, где ты есть-то?!» – ее видеть не мог и взял в штат только потому, что у нее был диплом «с отличием», а на то, что диплом авиационного института, он почему-то не посмотрел! Как Олег Бабенко, тогдашний редактор новостей, орал не своим голосом, когда она принесла свой первый материал: «Здесь вам не авиационный институт, милая моя, отправляйтесь обратно в авиаторы, раз вы писать не умеете!» Как в прошлом году, когда вручали «ТЭФИ», вся группа держала за нее кулачки, и когда со сцены невозможно красивый Валдис Пельш объявил «Ток-шоу „Поговорим!“ и его ведущая Татьяна Краснова!!!», все пустились в пляс прямо в проходе Кремлевского дворца, и потом по очереди держали тяжеленного «Орфея», и как наутро у всех болели головы и руки. Головы от водки, а руки из-за «Орфея»!

Таня Краснова никак, ну никак не могла подвести родной коллектив, объявив, что у нее романтический ужин и на распитие водки и вручение нелепых подарков она явиться не может. Пришлось объявить Колечке, что она не может явиться как раз на ужин. Ужин переносится на субботу, если, конечно, до субботы ничего не случится в державе – президент не уйдет в отставку, премьер не введет новые налоги, Минфин не увеличит (уменьшит) стабилизационный фонд и всякая прочая ерунда.

Вышел страшный скандал. Такой, что Тане даже не хотелось об этом вспоминать.

Впрочем, еще в прошлом году Колечка намекал, что Таня уделяет ему мало внимания, но он надеется, что со временем она поймет, как его это огорчает, и станет ему уделять гораздо, гора-аздо больше этого самого внимания.

Таня согласилась «уделять». Она тогда была сильно в него влюблена и согласилась бы на что угодно. Дура.

– Коля! – опять позвала она, и опять никто не отозвался.

Тогда она решила его поискать, только предварительно следовало вычистить зубы. Вдруг от нее пахнет, а Колечке захочется ее поцеловать?.. И вообще по утрам с нечищеными зубами – ужасно!

Таня побрела в ванную, порассматривала себя в зеркало и решила, что с такой головой показываться любимому никак нельзя, поэтому стоит и голову быстренько помыть. Она уже влезла под душ, когда услышала отдаленное треньканье телефона и еще услышала, как Колечка что-то пробасил в ответ.

Значит, он дома, но решил с ней не разговаривать. Обиделся. Придется уламывать, уговаривать, каяться, просить прощения, обещать сто тридцать тысяч романтических ужинов, но только не сегодня, когда у нее пьянка с коллегами. А он, в полном соответствии с классикой жанра, будет упрекать ее в том, что коллеги для нее важнее, чем он, Колечка, и она на все готова ради своей драгоценной работы и ни на что ради него, и не зря он всегда считал, что

они слишком разные, чтобы жить вместе. Таня начнет пугаться, уверять его в любви, умолять не бросать ее – все в том же самом полном соответствии.

Таня сделала воду погорячее, налила на ладошку шампунь и стала с силой тереть голову. Через три секунды на голове у нее выросла пенная шапка, как у Деда Мороза.

Ее сын Макс, когда был маленький, очень любил сооружать у себя на голове пенную шапку, а к подбородку пристраивал пенную бороду. Он сидел в страшной старой ванне с черными пятнами облупившейся эмали, глаза у него сияли, и щеки были очень красными от горячей воды. Он сидел, держался рукой за бороду, чтобы пена не отвалилась, и кричал:

– Ма-ам!! Ма-ам! Посмотри, я похож на Деда Мороза?

Таня всегда говорила, что похож, и тогда сын немедленно осведомлялся, когда же Новый год, даже если на дворе было Первое мая!

Макс, конечно, давно уехал в школу, и некому поздравить ее с этой ужасной датой – сорокалетием, и никто не станет пить чай со сливками, который она очень любила, говорить ей, что нынче она уже «совсем старушка» и до пенсии рукой подать, и ныть, что его не берут в ресторан и все почитают младенцем!

На Колечку – в смысле поздравлений – нет никакой надежды. Он, если уж обижался, обижался всерьез и надолго.

Таня вылезла из ванны, закрутила голову полотенцем, смутно чувствуя вину перед гримершей Аллочкой. Гримерша категорически не разрешала закручивать мокрые волосы полотенцем и говорила, что их потом «не уложить», а сегодня на Аллочку вся надежда.

Сегодня Таня должна быть особенно юна, свежа и прекрасна – сорок лет, черт побери все на свете!..

За раздвижной зеркальной стеной в гардеробной висели два халата – один розовый, в бантиках, а другой темно-синий, теплый, с застежкой до горла и с капюшоном. Халаты были сказочной красоты, и Таня их видеть не могла.

Когда-то давным-давно она жила другой жизнью. Когда-то она не только ходила по утрам голой, не только спала с открытыми шторами, но и не носила никаких халатов, ни розовых, ни темно-синих. От ванной до спальни она доходила в полотенце, а в спальне сразу напяливала джинсы.

Колечка, ее единственная любовь, ее герой, мужчина ее жизни, все изменил. Теперь она к завтраку всегда выходит в халате, как и положено нормальной семейной женщине.

А может, ну их к черту, эти халаты?.. Все равно он уже сердит, и от того, что она выйдет, как ненормальная и не семейная, в штанах, ничего не изменится.

В спальне зазвонил ее мобильный, и, прыгая на одной ноге и волоча за собой штанину, в которую она не успела засунуть ногу, Таня поскакала в спальню.

Звонил сын.

– Здорово, мам, – скороговоркой выпалил он. – Ты встала?

– Встала. Здорово, мартышка!

– А я с урока отпросился, сказал, что мне срочно нужно в сортир.

– Зачем? – удивилась Таня, придерживая трубку ухом и натягивая джинсы. Шторы, что ли, открыть поскорее, солнышко впустить?

– Как зачем?! У тебя день рождения, а ты всегда в пол-одиннадцатого встаешь! Я же должен тебя поздравить!

Таня так растрогалась, что даже перестала натягивать штаны.

– Макс, спасибо тебе большое!

– Мам, подожди, я же тебя еще не поздравил!

– Ну, зато ты звонишь, и это уже счастье!

– Да ладно тебе, мам! Слушай, ну, в общем я тебя поздравляю! Я тебя люблю. Ты самая лучшая на свете. Самая красивая, самая умная, самая прекрасная мать! Всем матерям мать! Это ты, в смысле, мать! Я тобой горжусь!

Таня поняла, что сейчас зарыдает, а рыдать нельзя. Пятнадцатилетний Макс по-прежнему, как в детстве, до смерти боялся ее слез и никогда не понимал, почему люди плачут от радости. От радости нужно смеяться и хохотать, а не рыдать!

– Мальчик мой, спасибо тебе боль...

– Мам, да уймись ты!.. Короче, я сегодня после школы в «Останкино» приеду.

– Как?!

– Меня дед привезет, я с ним договорился. Ирина Михайловна, – так звали шеф-редактора Таниной программы, – мне сказала, чтоб я к трем подваливал. Ты уже будешь на работе, тебя все начнут поздравлять, и я ничего не пропущу! А потом я, мамочка, с тобой пойду в ресторан, чтоб ты знала! Это я тебе все заранее говорю, чтоб ты ни на кого не ругалась! Мы все уже договорились. И подарок мы с дедом тебе купили – зашибись! Ну, короче, все, пока, меня сейчас завуч засечет, я же тебе из сортира звоню! Я тебя люблю, мам!

Таня аккуратно положила трубку на кровать, кулаком быстро отерла глаза, как будто сделала что-то постыдное, и широким жестом размахнула в разные стороны занавески. Солнце ударило в лицо, и она радостно зажмурилась.

У нее есть сын – самый замечательный сын на свете! Он отпросился с урока, чтобы позвонить ей именно в ту минуту, когда она встанет, и он точно знает, что встает она в пол-одиннадцатого! Может, наплевать на все остальное? На пижаму, занавески, сорок лет, мужчину ее жизни и на то, что ей все кажется, будто она попала в капкан, и единственный выход, как у волка, – это только отгрызть себе ногу, оставить ее в капкане, чтобы самой спастись?!

Таня потянула на себя створку окна, легла грудью на подоконник, свесила голову и подставила солнышку щеку. Щеке сразу стало тепло и щекотно.

Пролежать бы так до самого отъезда на работу! И с Колечкой не объясняться, и не чувствовать себя виноватой, и не оправдываться ни в чем! В конце концов, это у нее сегодня так называемый праздник!..

Сосны, с одного боку освещенные летним солнцем, стояли не шелохнувшись, и пахло летом – смолой, разогретыми стволами, сиренью и чуть-чуть дымком. На соседнем участке жгли обрезанные с весны яблоневые ветки. В жасмине дрались воробьи, ругались, пищали, и время от времени оттуда выскакивал один из участников побоища, вспархивал на забор и с него сердито орал, выкатывал грудь, поскакивал туда-сюда, а потом камнем кидался обратно в куст, чтобы продолжить драку. Почему-то воробьи дрались всегда в жасмине.

Красота.

– Танюш, ты встала?

– А?!

– Господи, что это ты такая красная?!

Домработница Ритуса с клубничной грядки смотрела вверх, приставив ладонь козырьком ко лбу.

– Я говорю, с днем рождения, Танюшенька!

– Чтоб он провалился, этот день рождения!

– Да ладно тебе! Сейчас я завтрак тебе подам. Яичницу сделать или кашу сварить?

– Не хочу я кашу!

– Кашу по утрам есть полезно!

– Пойдите в задницу, – под нос себе пробормотала Таня.

Домработница верой и правдой служила у нее лет десять, и они нежно обожали друг друга.

– Я тебе подарочек приготовила!

– А Колечка дома?

– Дома, – ответила Ритуся, как показалось Тане, с неохотой. – Он уже позавтракал.

Ну да, все правильно. Сердит и неприступен, как скала. Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!

Таня как раз желала пощады.

За ее спиной зазвонил мобильный телефон, и она с неохотой стащила себя с подоконника и взяла трубку.

– Танечка, деточка моя, с днем рождения, золотая, яхонтовая, бриллиантовая!.. – зататорила редакторша и сама засмеялась.

– Спасибо тебе, Ирина Михайловна!

– Да погоди ты, за что спасибо, я еще и не начинала даже!

Таня тоже засмеялась, дернула балконную дверь и вышла на теплую плитку, изо всех сил оттягивая время, когда нужно будет идти объясняться с Колечкой.

– Слушай, все поздравления на потом, ладненько? А звоню я тебе, чтоб сказать, что у нас тут шум на весь мир! Какой-то писатель книжку издал, а там и про президента, и про Сосницкого, и про Белоключевского та-а-кое написано! И про дефолт, и про заказные убийства!.. И все фамилии настоящие, и события подлинные!..

Таня, которая начала внимательно слушать, как только редакторша стала перечислять фамилии, перебила ее:

– Постой, Ирин! А что за писатель-то? Какой-нибудь бывший помощник депутата?

– Да я его и не знаю! Какой-то Грищук! Или Грищук, что ли! Танюш, давай его на грамму позовем, а? Я справки наведу, откуда он и что собой представляет, и ты с ним поговоришь! Кстати сказать, отличная тема – правда и ложь в книгах!

Таня подумала немного.

– Ну давай, – согласилась она. – Зови. Только справки обязательно нужно навести.

– Не первый день замужем, – фыркнула редакторша. – Ну давай, давай, пей свой кофе и приезжай скорей! Мы все от нетерпения замучились!

Таня сунула телефон в задний карман джинсов и пропела фальшиво на мотив из «Карнавальная ночи»:

– Сорок лет, сорок лет! Сорок лет – совсем не страшно!..

Страшно, что сейчас нужно выйти из спальни – в джинсах, а не в халате, как положено! – и начать объясняться с любимым! Ох, вот это страшно!

Телефон опять зазвонил, и Таня, обрадовавшись тому, что еще можно потянуть время, схватила трубку.

Номер был незнакомый.

– Татьяна? – И голос незнакомый.

– Да?

– Это Эдуард Абельман. Вы приходили ко мне на прием дней... десять назад.

Некоторое время Таня соображала, кто такой этот Абельман и на какой именно прием она приходила.

Министр?.. Вице-премьер? Спикер Госдумы?

Ах, да!.. Он врач!

– Да, да, здравствуйте, Эдуард! Рада вас слышать. – Это уж она просто так добавила, голос уж больно красивый. Завораживающий такой голос. А имя ужасное – Э-ду-ард!..

– Я поздравляю вас с днем рождения. Желаю вам...

– Подождите, а откуда вы знаете, что у меня день рождения?

– По радио услышал, когда ехал на работу. В рубрике «Знаменитости, родившиеся в этот день».

Таня смутилась. Она всегда смущалась, когда ей напоминали о том, что она – знаменитость.

– Ну да, – весело продолжал Абельман. – Так что я вас поздравляю. Из операционной на секунду выбежал, чтобы вам позвонить.

– В сортир? – уточнила Таня. – Выбежали в сортир?

– Почему? – удивились в трубке.

– Да мой сын тоже на секунду выбежал из класса в сортир, чтобы меня поздравить.

– Да нет, я не из туалета, – ничуть не смутившись, сказал Абельман. – Я так, из предбанника.

Таня переступала босыми ногами по шершавой и теплой плитке, поджимала большие пальцы и улыбалась.

Он молчал в телефоне, который прижимала к его уху операционная сестра – перчатки стерильные, рукой трубку не возьмешь!..

– А вы когда ко мне опять на прием придете? – наконец спросил он. – Или все? Больше не хотите?

Вот того, о чем ты сейчас спрашиваешь, я точно не хочу, стремительно подумала Таня. И больше никогда не захочу. Потому что хочу обратно в свою жизнь, где можно делать то, что нравится *мне*, – вволю работать, ходить в джинсах, спать голой и не задегивать штор!.. Где можно говорить все, что взбредет в голову, сколько угодно думать, ездить в командировки, приглашать сомнительных писателей на эфир и ни перед кем ни в чем не оправдываться.

Балконная дверь стукнула, Таня оглянулась и обнаружила у себя за спиной Колечку. Он был мрачен и надут.

Все пропало.

– Знаете что, Эдуард Владимирович? – Она приняла решение только из-за Колечкиной физиономии. – Приезжайте сегодня часам к восьми в «Баварию», это такой пивняк на Триумфальной. Знаете?

– Знаю.

– У нас там пьянка и гулянка по поводу моего дня рождения. Приедете?

– Ну, конечно, – сказал Абельман. – Что за вопрос?..

Таня сунула телефон в задний карман, еще раз посмотрела на любимого, хотела что-то сказать, но губы у нее вдруг повело, и она поняла, что заплачет. Плакать ей было никак нельзя – впереди прямой эфир, работа, что скажет гримерша Аллочка, если она явится с заплаканными глазами!..

Таня мрачно посмотрела на Колечку, обошла его, как неодушевленный предмет, и стремительно удалилась в глубину дома.

– Да потому что он меня замучил, этот Грищук! Или Грищук, что ли! Ей-богу, своими руками его придушу!

– Да что ты так разошелся-то, Константин Дмитриевич?

– Да я не разошелся, Дмитрий Евгеньевич! Я все понимаю, конечно, он с министром здравоохранения за ручку здоровается и деньги хорошие платит, но я-то тут при чем?! Он же не мне платит!

Долгов пристально посмотрел на заведующего отделением, который в запальчивости сказал явно не то, что нужно, а заведующий посмотрел на него.

Зря ты это сказал, подумал Долгов.

Зря я это сказал, подумал заведующий.

– Если ты думаешь, что я получаю за него деньги, а ты не получаешь, возьми и делай операцию сам.

Костя Хромов, заведующий хирургическим отделением, сорвал с головы невесомую операционную шапочку и кинул на стол Дмитрия Евгеньевича, заваленный бумагами и такими же шапочками.

– Ну да, делай!.. Он же у тебя хочет оперироваться, а не у меня.

– Тогда ко мне-то какие претензии, Кость?

Как всегда, когда Долгов начинал всерьез сердиться, окружающие пугались и моментально признавали его превосходство. Заведующий отделением немедленно дал «задний ход».

– Да нет у меня к тебе претензий! Просто он замучил всех, этот Грицук! Сестры от него плачут, а Марья Ивановна вчера мне сказала, что, пока он лежит, она на работу не выйдет.

– Это какая Марья Ивановна? Сестра-хозяйка, что ли?

– Какая же еще, Дим?

– Я с ней поговорю. Ей просто нужно денежек немножко дать, и все будет в порядке. А Грицук этот, ну... он просто больной человек, и еще истерик, по-моему! С больными вообще непросто, ты же знаешь.

– Я знаю, но границ-то не надо переходить! Это ты со всеми носишься, как с писаной торбой, вот они и привыкли, что мы тут перед ними расстилаться должны!..

В кармане у Долгова зазвонил мобильный, и на столе замигала красным и запищала трубка больничного телефона, но он все-таки договорил:

– Кость, вот это неправильно ты говоришь! Мы лечим людей, а не собираем машины. И то, что они всего боятся – боли, операции, диагноза и нас с тобой, это нормально. Понимаешь, нормально! Ну, он неприятный человек, конечно, но ведь больной!..

– Он больной, а ты святой, – под нос себе пробормотал Хромов. – Кофе хочешь сварю?

– Свари. Але! Да, зайду. Посмотрю. Хорошо. Хорошо. Минут через пятнадцать. В кабинете. Если хотите, но только быстро, потому что я потом на операцию уйду. – Он оторвал от уха одну трубку и приложил другую. – Але! Да, здравствуйте. Конечно, можно. Приезжайте в триста одиннадцатую клиническую больницу. Да можно прямо сегодня, часам к трем. Это дело лучше не затягивать, вы же понимаете. На Ленинградском шоссе. Вам рассказать, как доехать, или вы сами найдете?.. Я буду здесь, на вахте нужно сказать, что вы к Долгову, и вас пропустят.

– Можно, Дмитрий Евгеньевич?

Хромов выглянул из-за шкафа, где он стоял над чайником, и опять скрылся, а Долгов посмотрел на просунувшуюся голову и кивнул.

Больничный телефон на столе перед ним зазвонил снова.

– Секундочку. Да, але! Можно подавать минут через двадцать. Уже буду. Хорошо. А какая у нас сегодня операционная? Первая? Да, я понял. Что у вас?

– Дмитрий Евгеньевич, – очень вежливо выговорила всунувшаяся голова. – Я вам хотел показать презентацию моей апробации. Посмотрите?

– Посмотрю, давайте.

– Кофе с сахаром сделать? – спросил Хромов.

– С сахаром.

– А йогурт будете?

Долгову хотелось и йогурта, и сыра, и кофе – дома он никогда не успевал позавтракать, – но есть и смотреть презентацию он не мог. Как это, профессор будет есть, а аспирант не будет, что ли?!

– Я потом.

Компьютер мигнул, открывая нужный файл, и появилась сказочной красоты картинка – какие-то заголовки, выделенные красным, подзаголовки, выделенные синим, пункты, помеченные квадратиками, и подпункты, помеченные кружочками. И все это почему-то на фоне зимнего пейзажа города Санкт-Петербурга.

Пункты, подпункты, заголовки и подзаголовки Долгов читать не стал, двинулся дальше, чтобы посмотреть суть. Суть была изложена довольно толково, но только опять почему-то на фоне Питера. Фотографии операций тоже были помещены на этом же историческом фоне.

– А... это тут к чему?

– Что, Дмитрий Евгеньевич?

– Ну, вот, к примеру, Исаакиевский собор? Он имеет какое-то отношение к гнойной хирургии?..

Аспирант, с тревогой следивший за профессорским лицом, весь посветлел, улыбнулся, так что волосы даже шевельнулись у него на лбу, и сказал:

– Нет, просто мне город очень нравится!

Хромов за шкафом довольно отчетливо фыркнул.

– А вы что, из Санкт-Петербурга, что ли?

– Да нет, но просто я подумал... Красиво! А вам что, не нравится?

Долгов посмотрел на аспиранта, а тот на него.

– Да нет, – сказал Дмитрий Евгеньевич, раздумывая, как бы объяснить попонятней, но так, чтоб не обидеть. – Мне нравится, но эти виды, по-моему, будут отвлекать.

– Да? А мне кажется, красиво!

– И вот эту методику упоминать не надо. Я, между прочим, всем своим курсантам говорил об этом. Мы рассматриваем ее только в исторической части. Так больше никто не делает, после того как в Бельгии стали делать по-другому. А вы еще фотографию зачем-то поместили! Константин Дмитриевич, посмотрите!

Хромов выбрался из-за шкафа, пролез за кресло Долгова и уставился на монитор. Некоторое время трое врачей рассматривали фотографию.

– Вы же объясняли, – сказал Хромов и кружкой показал на монитор. – Помните, Дмитрий Евгеньевич?

В присутствии посторонних и больных они всегда были друг с другом на «вы» и по имени-отчеству.

– А где вы это взяли? В Интернете?

Аспирант расстроено кивнул. Профессору не нравилось, и это было ужасно! Какая разница, так или эдак делать! Самое главное результат, а результат тут представлен. Подумаешь, технологии! И там технологии, и здесь технологии! И если они устарели, то не так, чтобы очень, всего, может, на год!

– Сейчас делают гораздо менее травматично. Я вам покажу, где это можно посмотреть, а вообще нужно было слушать внимательно и делать правильные выводы, – не удержался профессор.

Дверь приоткрылась, и заглянула сестра.

– Дмитрий Евгеньевич, можно к вам?

– Да, заходите.

– Здравствуйте, Константин Дмитриевич. Вы просили вас напомнить, Дмитрий Евгеньевич!

Долгов, поспешно листая файлы в своем компьютере, поднял глаза.

– Ну... напоминайте, Екатерина Львовна!

Сестра покраснела и стрельнула глазами в аспиранта. Аспирант был так себе, замученный и какой-то неухоженный, как будто немывтый, зато профессор так хорош, что весь старший, средний и младший медперсонал женского полу старшего, среднего и младшего возраста в его присутствии немедленно приходил в экстаз.

Ну и подумаешь, лысый немножко!.. Зато глаза какие голубые! А плечищи, а стать богатырская, а руки, руки-то! Сlepки с таких рук нужно делать и помещать в музей хирургии! А еще улыбка, преобразившая все лицо, и тихий голос, от которого молоденькие девчонки про-

сто в обморок падали и сами собой в штабеля укладывались! Да все вокруг шепчутся: «Гений, гений!», и еще: «Светило и надежда!» А светило тридцать восемь, и в зеленом хирургическом костюме, в просторечье именуемом «пижамой», от него вообще глаз не оторвать, куда там бедолаге Джорджу Клуни из сериала «Скорая помощь»!

Джордж Клуни там, в сериале, как раз и изображал такого, как Дмитрий Евгеньевич, – молодого, решительного, все понимающего, думающего, упорного.

Спаситель. Последний оплот. Первый после бога.

Если он берется за дело, значит, еще не все потеряно. Значит, надежда есть. Сделано будет все и немножко больше.

Екатерина Львовна, рдеющая и несколько отвлекшаяся на свои возвышенные мысли, все продолжала умильно дивиться на профессора, а тот вдруг усмехнулся неизбежно и Екатерину Львовну поторопил:

– О чем вы хотели напомнить?

И аспирант, и Хромов смотрели на нее, и она засуетилась, отвела взор, опять уткнулась в голубые профессорские глазницы, покраснела еще пуще и насилу выдавила из себя, что Дмитрий Евгеньевич хотел до операции зайти в четырнадцатую палату, посмотреть больного, прооперированного по поводу язвы, и сделать какие-то новые назначения.

– Спасибо, – поблагодарил Долгов, и Екатерина Львовна пулей вылетела из кабинета.

– Значит, фотографии поменяйте и весь этот раздел, хорошо? И... Роман Николаевич... – Долгов даже вспомнил, как зовут аспиранта! – Я бы вам посоветовал открытки все же убрать.

– Какие открытки?

– Ну, виды Санкт-Петербурга. Конечно, это красиво, ничего не скажешь, но на научной работе как-то странно.

Тут он вдруг вспомнил, как Алиса на первом экземпляре его докторской диссертации, распечатанном и переплетенном в красивый переплет, на который они тогда угрохали кучу денег, написала «I love you!» и нарисовала цветок ромашку.

Вспомнив, он страшно смутился и пробормотал:

– А впрочем, как хотите, – закрыл ноутбук и поднялся.

До операции оставалось пятнадцать минут.

– Зайдите к Грицуку, Дмитрий Евгеньевич, – пробухтел из-за шкафа Хромов. – Я вас умоляю.

– Давайте вместе зайдем.

Телефон в кармане халата опять зазвонил, и Долгов выхватил трубку.

– Дмитрий Евгеньевич Долгов?

– Да. – И Хромову, шепотом: – Пошли, пошли!..

– Вы меня не помните, наверное. Меня зовут Андрей Кравченко, вы меня спасли, и я хотел...

– Вы сын Петра Леонидовича?

– Да нет, нет, – заторопились в трубке, – я не сын!.. То есть я сын, но не Петра Леонидовича!

Долгов вышел из кабинета, старательно запер его на ключ и быстро пошел по коридору в сторону больничного холла. Хромов поспешал за ним.

Лифта ждать было некогда, и Долгов побежал по лестнице вверх – подумаешь, всего три этажа!..

– Дмитрий Евгеньевич, вы меня на МКАДе спасли, помните?

Долгов не помнил никакого спасения на МКАДе.

– Ну, две недели назад, авария была! Вы меня тогда...

Тут он вспомнил. Раскуроченная машина, смешной гаишник, какой-то ублюдок в кожаной куртке и этот, лежащий на асфальте. Менеджер, точно!

Навстречу попался рентгенолог, схватил Долгова за рукав и стал что-то настойчиво говорить.

– Потом, потом, – улыбкой смягчая свою спешку, попросил Долгов. – Я к вам потом зайду, Василий Иванович!

– А вы вчерашний панкреатит будете сегодня смотреть?

– Буду, Василий Иванович, часов после двух, ладно?

– Идет, Дмитрий Евгеньевич, я вас дождусь тогда.

– Я хотел с вами увидеться, – умоляюще сказал менеджер. – Можно?

Долгов, толкнув дверь во вторую хирургию, пожал плечами:

– Можно, наверное. Только не сию минуту. Давайте завтра или послезавтра. А что, у вас какие-то проблемы?

– Да нет, я вам спасибо хотел сказать!

– Я очень рад, что у вас все нормально, – скороговоркой произнес Долгов. – Я просто сейчас немного занят.

Сестра выскочила из-за своей стеклянной выгородки и уставилась на него.

– Пойдемте язву посмотрим! – И снова в телефон: – Извините меня, Андрей, если сможете мне перезвонить...

– Да я у вас в больнице.

– В какой вы больнице... у меня?

– В триста одиннадцатой! Я вас подожду, Дмитрий Евгеньевич! Мне на пару минут только! Можно я вас дождусь?

Долгову некогда было разбираться, где именно и зачем этот человек собирается его ждать, и он сказал, что освободится не скоро, но – ради бога! – его можно подождать. Он сделает операцию, пару исследований, раздаст указания и часам к трем освободится.

– Спасибо, Дмитрий Евгеньевич!

Он посмотрел прооперированную больную, которая передвигалась еще с трудом, но уже радостно ему улыбалась, сделал назначения, зашел к больному, которого просил посмотреть заведующий отделением, пощупал его живот и согласился с Хромовым, что нужно бы сделать томографию надпочечников.

У него оставалось ровно четыре минуты на больного Грицука, которого за три дня, что он лежал, возненавидела вся больница.

Больной был в ужасном расположении духа и тут же сообщил Дмитрию Евгеньевичу, что в триста одиннадцатой клинической больницы его решили окончательно заморить, а у него, Грицука, большие связи.

– У вас небольшая пупочная грыжа, – сообщил ему Долгов, просматривая историю болезни, поданную сестрой. – И урологи еще должны посмотреть, возможно, есть что-то по их части. И анализ крови нужно переделать. Операцию мы вам проведем плановую, в начале следующей недели. Вы не волнуйтесь так!..

– А как мне не волноваться, если в этой вашей больнице мной никто не занимается! Вообще никто! Приходит раз в день какая-то девка, а больше никто не чешется! Главврач один раз зашел!

Долгов смотрел живот больного Грицука и напоминал себе о христианском смирении и врачебном долге.

– У вас нет ничего экстренного, – он заглянул в карту, чтобы узнать, как его зовут, – Евгений Иванович! А плановые мероприятия все выполняются!

– Вы этими плановыми мероприятиями меня в могилу загоните!

– Ну, будем надеяться, что все обойдется, Евгений Иванович!

– Я к вам сюда ложился, занятых людей от дела отрывал, министру кланялся, и мне сказали, что уж Долгов-то врач стоящий!.. А что на практике оказалось?

Долгов посмотрел лимфатические узлы и белки глаз.

Смирение. Смирение христианское!..

– Евгений Иванович, я не настаиваю, чтоб вы лечились именно у нас, – сказал он тихо. – В вашей власти выбрать любую клинику и любого врача. Сейчас это не проблема.

– Да уж точно, с эскулапами у нас проблем нету, – брюзгливо сказал Грицук, косясь на Долгова. – Только больных платежеспособных маловато, а, доктор? Маловато же? А жить-то всем надо, в том числе и эскулапам! Хлебушка с маслом каждый небось желает! Пустой чаек хлебать неинтересно! А у вас, доктор, как я погляжу, и ботиночки недешевые, и запонки золотые!..

– Анализ крови переделайте, – велел Долгов сестре, поднимаясь.

– Хорошо на страждущих зарабатываете? – не унимался Грицук. – Не жалуетесь небось! А лечить как следует не хотите!

– Евгений Иванович, – ровным голосом сказал Долгов, – я считаю, что вам нужно найти другую клинику. Чтобы вас там спокойно пролечили люди, которым вы доверяете. Лечиться у врача, которому вы не доверяете, – бессмысленно.

– А вы меня не учите, молодой человек, что осмысленно, а что бессмысленно! Вас еще на свете не было, а я уже в Госплане не последний пост занимал! И потом тоже!.. И книжки мои народ читает! И знает меня! Вам ваш министр приказал меня лечить, так и лечите, а не выдумывайте ничего! Или на запонки заработали, а лечить не научились?

В кармане у Долгова зазвонил телефон, он вытащил трубку, и больной совершенно взъерепенился.

– Вот-вот, – раздувая ноздри, выговорил он, – на пациентов у вас времени нету, а как по телефону болтать, так всегда пожалуйста!..

– Дмитрий Евгеньевич, – сказала в трубке анестезиолог Мария Георгиевна, – больного подали, вас ждем.

– Иду.

– Идите-идите, – продолжал больной, – а я тут помру не сегодня-завтра, и наплевать вам на меня! А я, между прочим, не с улицы пришел, а по протекции! Что ж вы с людьми-то делаете, которые просто так приходят?! И ничего у вас в душе не шевельнется?! Говорили мне, что врачи не люди, а я все не верил, все не верил, а теперь вот...

– Да как вы можете, – не выдержала сестра, и Долгов посмотрел на нее, – да что вы такое говорите?! Дмитрий Евгеньевич возле своих больных днюет и ночует! Да вы хоть знаете, какой он врач?!

– Вижу я, какой он врач! Человек умирает, а он на него ноль внимания! В больнице умрет без всякой помощи, как собака подзаборная!.. Только с сестрами небось спать и умеет!.. А вы его защищайте, защищайте лучше!.. Я на него еще в суд подам за неоказание врачебной помощи! Вот вы все где у меня будете!..

– До свидания, – попрощался Долгов. – Пока вашей жизни ничего не угрожает. По крайней мере, об этом свидетельствуют результаты обследования. Уролог вас сегодня посмотрит. И про другую больницу вы все-таки подумайте. Может быть, так будет лучше.

Абельмана убью, мрачно подумал он. У меня операция большая через пять минут, а мне тут рассказывают про запонки, про медсестер и про то, что я ничего не смыслю в медицине! Теперь стану об этом думать, хоть и не надо бы, и весь день насмарку!

Хромов лицом изображал что-то вроде – ну, я же тебе говорил!.. Сестра стояла вся красная, руку в кармане зеленой робы сжимала в кулачок. Долгов ей улыбнулся.

И не денешься теперь от него никуда, от этого Грицука!.. За него ведь не только Абельман, но и еще какие-то большие люди просили! Министр не министр, но кто-то сверху звонил, и главврач по этому поводу нервничал.

Долгов пошел к выходу из палаты, сестра кинулась за ним, а Евгений Иванович все продолжал разоряться про свою неминуемую скорую кончину, которая должна наступить исключительно из-за невнимательности и некомпетентности Дмитрия Евгеньевича.

– Я в газету напишу про ваши порядки и про то, как вы деньги вымогаете! У меня большие связи! Вы еще попляшете у меня!..

– В газету он напишет, – пробормотал Долгов уже в коридоре. – Вера Ивановна, сегодня должна приехать Бэлла Львовна, посмотреть больную из двадцать четвертой палаты.

– Я знаю, вы говорили, Дмитрий Евгеньевич.

– Константин Дмитриевич, что вы на меня так смотрите? Ну, он неприятный человек, да еще из бывших начальников, да еще какой-то там писатель! Не обращайтесь внимания, и точка.

– А вы сами-то обращаете, Дмитрий Евгеньевич?..

Долгов пожал плечами. Его ждала операционная бригада, и человек – по-настоящему больной! – нуждался в его помощи. И это было самое главное.

– Может, завтра урологам его отдадим, – сказал Долгов, – если они найдут у него что-нибудь! Ну, чего вы такие кислые? Ничего же не происходит!..

– Да, не происходит, – пробормотала сестра, и Долгов с удивлением обнаружил, что она чуть не плачет, – а когда про вас всякие прохиндеи гадости говорят, это как?

– Да никак, – он пожал широченными плечами. – Наплевать. Все, я ушел на операцию!

День был тяжелый, домой он приехал поздно, даже есть не мог – так устал, – пристроился посмотреть телевизор и в ту же секунду, как пристроился, заснул мертвым сном.

Его разбудил телефонный звонок.

Звонили из больницы. Дежурный врач странным голосом сообщил, что в своей палате неожиданно умер больной Грицук.

Дней через пять явился деловой до невозможности человек в полосатом костюме и тонких очках, объявил, что он адвокат, представляющий интересы покойного Евгения Ивановича Грицука. То есть не то чтобы его самого, потому что он покойный, а его близких. Что это за близкие, Долгов хорошенько не разобрал, должно быть, в этот момент адвокат стал выражаться наиболее туманно, – то ли семья, то ли издательство, которое печатало произведения Евгения Ивановича. Эти самые близкие хотели бы получить бумаги покойного, которые, как известно, находились при нем в триста одиннадцатой клинической больнице. Все необходимые документы, подтверждающие законность изъятия бумаг, адвокат готов немедленно предоставить главврачу.

Дмитрий Евгеньевич все пять дней пребывал в отвратительном настроении. Настолько отвратительном, что как раз сегодня утром, после очередной ссоры, Алиса объявила ему, что жить так больше невозможно и они должны расстаться.

Долгов, которому было совершенно не до Алисы и не до расставания с ней, сказал, что у каждого человека должен быть выбор, и жить или не жить вместе – как раз и есть вопрос этого самого выбора, и уехал в свою больницу.

Больной Грицук умер от остановки сердца – ничего особенного не случилось, и вскрытие лишь подтвердило диагноз, поставленный и дежурным врачом, и главным, и Долговым, который после ночного звонка дежурного примчался в клинику.

Ничего из ряда вон не случилось – бывает, что люди умирают, и врачам об этом известно лучше, чем кому бы то ни было, – но Дмитрий Евгеньевич чувствовал себя виноватым, словно это он умирал больного.

Ничего особенного не произошло – умер и умер, ни предсказать, ни поправить этого нельзя, и кардиолог, смотревший сердце на самом лучшем, самом современном, самом точном аппарате, про который говорили, что следующая стадия обследования – это только открыть грудную клетку и посмотреть сердечную мышцу глазами, уверял, что беды ничто не предве-

щало!.. И все-таки Дмитрий Евгеньевич чувствовал, что в смерти Грицука виноват он – и только он!

Больной был неприятным человеком, извел врачей, сестер и весь остальной персонал, брюзжал, ругался, обещал всех отдать под суд, говорил, что вот-вот умрет, – и его никто не слушал, так он всем мешал!

Нужно было слушать, говорил себе Долгов. Ты же врач, ей-богу! Что это за врач, который не слушает жалобы больного?! Тебе противно было его слушать, потому что он говорил неприятные вещи, а он взял и помер!

А еще ты не слушал, желчно говорил себе Долгов, потому что тебе вечно некогда, и ты уже почти уверовал в то, что ты *на самом деле* «первый после бога», и потихоньку забываешь тот главный принцип, о котором когда-то толковал начинающим докторам профессор Потемин на кафедре факультетской хирургии, – главное, сомневаться, сомневаться во всем! Врач должен и может сомневаться! Если он не сомневается, если уверен в каждом своем слове – значит, сапожник он, а не врач! Это у сапожников все просто – вот каблук, вот подошва, а вот, скажем прямо, и голенище! Перепутать невозможно! А врачу *должно* сомневаться!

Не уверен – посоветуйся с кем-нибудь! Не знаешь – спроси у того, кто знает. Не понимаешь – изучи вопрос со всех сторон, не решай ничего кавалерийским наскоком. Кавалерийский наскок врача может дорого обойтись больному!

А вышло так, что Дмитрий Евгеньевич ни в чем не сомневался, больного не слушал, когда тот жаловался, призывал себя к христианскому смирению и мечтал сбыть его урологам!

Теперь, в присутствии адвоката в дорогом полосатом костюме, который говорил очень круглыми фразами и смотрел Долгову в глаза очень внимательно, Дмитрий Евгеньевич чувствовал себя ужасно. Можно было сто раз сослаться на занятость и отправить его сразу к главному врачу, но именно из-за чувства вины Долгов решил, что доведет дело до конца – хоть это делает, раз уж он упустил больного!

А он на самом деле считал, что упустил.

Другой его учитель, хирург Матушкин, отличный врач и просто хороший человек, учивший его в клиническом городке Екатеринбургa вырезать аппендициты, говорил, что во всем и всегда виноват врач. Больной не может быть ни в чем виноват. Он не виноват в том, что заболел, и тем более не виноват в том, что умер!

– Дмитрий Евгеньевич, мне не хотелось бы терять время. Его и без того потеряно немало. Есть обстоятельства, которые заставляют меня торопиться.

– Да, – сказал Долгов, с усилием возвращая себя к реальности. – Что я должен сделать?

Адвокат пожал плечами.

– Да, собственно, ничего особенного. Я надеюсь, что проблем с главным врачом не будет, и вы просто дадите распоряжение своему персоналу, чтобы мне выдали бумаги. И я освобожу вас от своего присутствия.

– Хорошо. – Телефон у Долгова в кармане, поставленный на виброзвонок, не переставая тряся, и профессор подумал, что места на автоответчике может не хватить. – А... что там за бумаги?.. Он же писал книжки, насколько я понял?

Адвокат посмотрел на Долгова, как тому показалось, с сожалением.

– Евгений Иванович Грицук в свое время был руководителем одного из подразделений Госплана, еще в советские времена. Потом, в перестройку, довольно... удачно поучаствовал в приватизации, получил небольшую текстильную фабрику, которая работала по госзаказу, никогда не бедствовала и приносила хорошую прибыль. Лет пять назад он отошел от дел и сделался литератором. Он писал фэнтези, знаете такой жанр?

Долгов кивнул.

– Его издавали, и достаточно успешно. Корифеем он не стал, но у него были свои читатели.

Почитать, что ли, этот самый фэнтези, подумал Долгов с тоской. Или эту самую?..

– А здесь, в больнице, у него рукопись, что ли, была? Я ни разу не видел, чтобы Грицук писал, хотя он у нас пробыл довольно долго!

На предположение о рукописи адвокат ничего не ответил. Он вообще держался довольно высокомерно, и в другое время Долгов такой тон ни за что бы не принял, но сейчас он слишком не любил себя, чтобы обращать внимание на тон.

Сообщив, что вернется, как только подпишет у главврача разрешение на изъятие бумаг, полосатый костюм с достоинством удалился, а Долгов схватился за телефон.

Больную с вырезанным желчным пузырем нужно обязательно проконсультировать у эндокринолога.

Вчера привезли парня после тяжелой аварии – перелом височной кости, тяжелейшее сотрясение, раздробленные кости таза, переломы обеих рук. Все бы ничего, но его долго лечили в районной больнице, куда привезли сразу после аварии, и чуть не залечили до смерти. Уж и операцию назначили, герои, местные районные врачи!.. Хорошо, его жена в последний момент позвонила Алисе, с которой когда-то училась в институте, плакала и умоляла, чтобы посмотрел Долгов. Долгов ничего не понимал в травмах, но вмешался, и больного перевезли в триста одиннадцатую, где неврологи, реаниматологи и травматологи в один голос сказали, что об операции не может быть и речи – нельзя давать наркоз! Долгов вызвал давнего приятеля Степу Андреева из ЦИТО. Степа задумчиво посмотрел на больного и сказал, что раздробленные кости могут подождать еще недели три, а после этого начнутся необратимые изменения. Но три недели на то, чтобы восстановить кровообращение мозга, у них есть. Долгов должен сегодня обязательно переговорить с Марией Георгиевной и по этому поводу тоже, а потом созвониться с женой больного. Препараты, которые ему вводят, все новые и очень дорогие, а есть ли у него такие мелочи, как медицинская страховка, к примеру, Долгов даже не поинтересовался.

И на следующей неделе заседание хирургического общества, где он делает доклад, а у него еще конь не валялся, к докладу он даже не приступал! И хорошо бы рукопись по гнойной хирургии сдать – из «Медицинской книги» еще не торопят, но уже вежливо осведомляются, когда же все будет готово.

И Алиса сегодня утром объявила, что так жить она больше не может, и ни разу за день не позвонила.

Значит, все серьезно. Значит, на самом деле не может.

– Ты ужасный человек, Долгов, – говорил ему давний приятель Миша Савичев. – Тебя никто и ничто не интересует, кроме твоей драгоценной медицины. Если бы я был твоей женой, я бы тебя отравил толченым стеклом во вторую брачную ночь. Потому что первую брачную ночь ты бы, как пить дать, провел в больнице, а не в койке с дорогой супругой!

Долгов на это обычно отвечал, что вот именно поэтому Миша Савичев и не его дорогая супруга, и дискуссия о семейной жизни на этом сама собой увядала.

И Грицук помер, и адвокат – как его фамилия? – разговаривал с ним невыносимо высокомерным тоном. И Долгов никак не мог отделаться от мысли, что где-то он этого адвоката уже видел, только вот где?..

– Можно, Дмитрий Евгеньевич?..

Договаривая по телефону, Долгов посмотрел на дверь. Человек, топтавшийся на пороге, был ему совершенно незнаком.

– Вы по какому вопросу?

– Да я... это... к вам.

– Сейчас, секундочку, – скороговоркой сказал Долгов в телефон. – Вы больной?

– Я? – удивился незнакомец. – Я здоровый! Но все равно это... я к вам по вопросу жизни и смерти.

Елки-палки, подумал Долгов.

– Тогда заходите. Я сейчас освобожусь.

В крохотном кабинетике, где ему и одному было тесно с его бумагами, компьютерами, папками и книгами, наваленными на столе, где переодеваться приходилось за дверью, и здоровенный Долгов там решительно не умещался, и вешалка, на которую он пристраивал костюм, обязательно обрушивалась с грохотом, а для того, чтобы натянуть хирургические штаны, приходилось присаживаться на узкую кушетку так, что голова оказывалась почти в раковине, а ноги доставали до стола, сразу стало еще теснее и запахло чем-то, то ли рыбой, то ли бензином.

– Вы кто?

– Да вы не знаете меня. – Человек переступил с ноги на ногу и исподлобья посмотрел на Долгова. – Я работаю тут. На автосервисе.

– На каком автосервисе? – тягостно поразился Долгов. Под столом он посмотрел на часы и обругал себя за это. Только что поедом себя ел, что невнимателен к людям, и вот опять считает свои драгоценные минуты!

– На том, – человек кивнул на окно, видимо, таким образом объясняя, что где-то там, за окном, есть автосервис, на котором он работает. – Мы ваш джип в прошлом году открывали. Помните, когда в морозы у вас замок заело?

Замок и морозы Долгов помнил, а этого человека нет.

Видимо, никакого воспоминания не отразилось у Долгова на лице, потому что мужик вдруг смешался, и надежда, с которой он смотрел на профессора, сменилась крайним замешательством.

– А вы что хотели?

– Да нет, раз вы меня не помните...

Телефон опять зазвонил.

– Да, – сказал Долгов в трубку.

– Дмитрий Евгеньевич, это Мария Георгиевна. Зайдите к нам. Мы хотели больного Воропаева сегодня в отделение переводить, и вы должны на него взглянуть.

– А какие сегодня сутки?

– Третьи после операции.

– Ну, так у него все в порядке?

– По нашим показателям, да. Стабилен, и динамика приличная.

– Вы считаете, что можно переводить?..

– Я пойду, – сказал мужик из автосервиса и сделал движение, чтобы идти. – Извиняюсь!

– Мария Георгиевна, я зайду, но только не сию минуту. А палата для него готова, можно отправлять, да?

– Да, да, все в порядке.

– Но я все-таки посмотрю, – сказал Долгов.

– Тогда я вас дождусь.

– Подождите, – велел Дмитрий Евгеньевич мужику, который уже взялся за ручку двери. – Вы о чем со мной хотели поговорить? О моей машине? Или о чем?

– Мать болеет, – выговорил тот с усилием. – Я думал, вы помните, что я вам машину открывал!.. Я думал, может, вспомните, если забыли. А так... Извиняюсь, короче...

– Чем болеет ваша мать?

– Да непонятно, – сказал мужик и посмотрел на Долгова с тоской. – Никто ж не понимает ничего! Ну, никто не понимает, доктор!.. А человек того... пропадает человек совсем!

– Это вы зря так говорите, – строго сказал Долгов из соображений корпоративной, цеховой и черт знает какой этики. – Понимающих врачей очень много.

– Да, может, их и много. Только матери моей все хуже и хуже, а она... веселая такая! Молодая еще. А они говорят, диагноз нельзя поставить.

– А симптомы какие?

Мужик мигнул.

– Как болезнь проявляется? – Телефон на столе у Долгова опять зазвонил, он посмотрел номер и не стал отвечать.

Звонила Алиса, которая утром объявила ему, что жить так больше не может, а Долгов ей ответил, что это – свободный выбор каждого.

Он все равно не стал бы разговаривать о жизни и любви. Он терпеть не мог таких разговоров, а сейчас было особенно невмоготу!..

– Ну, температура у нее. Слабость. Раньше еще ничего, а теперь она почти не встает.

– Какая температура?

– Высокая, доктор. Когда тридцать девять, а когда тридцать девять и пять. – Мужик вдруг с размаху сел на стул и посмотрел на Долгова горестно. – Что делать?!

– А давно такая температура?

– Да уж с месяц.

– Месяц температура тридцать девять и пять?! Каждый день?!

– Ну да.

– А она в больнице? В какой?

Номер больницы ему ни о чем не говорил.

– А давно она лежит?

– Недели три как лежит! Нет, три с лишним! Доктор, – вместе со стулом парень подался к нему, налег грудью на стол, – про вас тут все говорят, что вы понимающий!.. Наш хозяин так сказал! Вы его оперировали, так он говорит, что вы все можете! Вылечите мать, доктор! Христом богом вас прошу! Хотите, на колени встану?!

– Не надо, – быстро ответил Долгов. – Вы сможете ее привезти?

– Конечно, смогу! Конечно, доктор, вы только ее посмотрите! Она же не болела никогда, а тут вдруг ни с того ни с сего!.. Раньше хоть вставала, а вчера я приехал, так она меня даже не сразу узнала! А она молодая, доктор, веселая! Пятьдесят два года всего! Она еще и не жила совсем! На курорте никогда не была, а ей все в Ялту охота! Так я ей и сказал – мамань, ты того, давай собирайся летом в Ялту. Я теперь зарабатываю хорошо. Она обрадовалась, платье какое-то пошила, специальное, курортное, а тут напасть такая!.. Вылечите ее, доктор!

Посетитель еще приналег на стол, бумаги поехали и обрушились на пол, и он стал подбирать их – большими, неловкими, не умеющими обращаться с бумагами руками, – и Долгов начал подбирать, и какое-то время они вместе ползали на крохотном пяточке между столом и окошком.

– Я же не знаю, чем она больна, – объяснил Долгов, вылезая из-под стола. Парень веером держал в руке помятые бумаги и не отводил от него глаз. – Привозите ее, мы посмотрим, что можно сделать.

– Я заплачу, вы не думайте, – заявил парень твердо. – Сколько нужно, столько я и заплачу. Долгов взял у него из руки бумаги и положил на стол.

Он не мог сказать этому просителю, что вряд ли его денег хватит на то, чтобы оплатить услуги доктора медицинских наук и профессора. И госпитализацию на коммерческой основе он тоже вряд ли потянет. И дело не в запредельной дороговизне, а в том, что страна устроена так погано – обычный работающий человек не может себе позволить коммерческую медицину, ну, за исключением нескольких вполне коммерческих пломб в зубах!

Он не мог сказать этого мужику, который тревожно и искательно смотрел ему в глаза, даже дышать старался тише – из уважения! – и весь взмок со страху, что ему сейчас откажут, рухнет последняя надежда, и мать останется помирать от неизвестной болезни. А она молодая, веселая, в Ялту собралась!..

Долгов быстро прикинул, как ему пристроить больную на общих основаниях и по обязательной страховке. Главврач разрешит, он отличный, все понимающий мужик. Только бы место нашлось.

– Сможете завтра ее привезти? Только не с утра, я буду в другом месте. Часам к трем. Вы мне позвоните и приходите с ней прямо в приемный покой, я предупрежу. И завтра же мы ее посмотрим.

– Доктор, спасибо вам...

– Подождите, – перебил Долгов. – В какой она больнице, скажите еще раз!

Нужно будет позвонить, попросить анамнез, просить, чтоб отпустили и чтоб не обижались.

Кто тут первый после бога?.. Должно быть, никого нет!..

Пятясь и не отводя от Долгова глаз, парень вышел из кабинета, и дверь сильно хлопнула за ним. Долгов потер лицо.

Что-то было неприятное, он пытался вспомнить и вспомнил не сразу.

Алиса звонила, а он не ответил. Она утром от него ушла.

Он посмотрел на трубку.

Выяснять отношения он не умел и не любил и искренне не понимал, почему женщин так тянет их выяснять!.. Впрочем, сказал себе справедливый и объективный Дмитрий Евгеньевич, Алису как раз не особенно тянуло. Она редко досаждала ему специфическими дамскими выступлениями. Но, черт возьми, неужели непонятно, что сейчас ему вообще не до нее?! Она все знала про больного Грицука и про чувство вины, замучившее Долгова, и про хирургическое общество, и про то, что рукопись нужно сдавать в «Медицинскую книгу»! Все знала и тем не менее утром сказала ему, что больше так жить не может! А он не может жить по-другому. И что выходит?..

Тренькнул больничный телефон, и Долгов схватился за него радостно – работать ему всегда было легче и приятнее, чем мучительно раздумывать о жизни и любви! На работе, по крайней мере, все было ясно и понятно, и проблемы можно было так или иначе решить. Как решать проблему жизни и любви, Долгов никогда не знал.

– Дмитрий Евгеньевич, – сказал в трубке главврач, – вы можете подойти ко мне на минутку?

– Могу, Василий Петрович. Что-то случилось?

– Ничего особенного, но мне хотелось бы, чтоб вы взглянули.

В кабинете главврача был давешний «полосатый» адвокат. Глебов его фамилия, неожиданно вспомнил Долгов. На столе аккуратно разложены какие-то бумаги, а на стуле пристроен раздутый, как бегемот после кормежки, пакет, видимо, с одеждой. Глебов сидел несколько в сторонке со скромно-торжествующим, как показалось Долгову, лицом, и на коленях у него была толстая записная книжка, в которой он что-то, не отрываясь, строчил. Он лишь мельком взглянул на Долгова и продолжал строчить.

Позер, мрачно подумал про него Дмитрий Евгеньевич.

– Вы не в курсе, что это такое?..

В пальцах у главного врача, красных от постоянного мытья, с коротко остриженными, крепкими ногтями, оказалась какая-то крохотная трубочка, которую он осторожно взял со стола и держал очень аккуратно за торцы, как будто боялся испачкать.

Долгов посмотрел на трубочку, а потом на главного.

– Это нитроглицерин, – сказал он бесцветным тоном, – ну, по крайней мере, так написано на флаконе!..

– Больной Грицук страдал какими-то формами сердечной болезни? – тут же осведомился адвокат. – Я правильно понял?..

Но врачи не обратили на него никакого внимания.

– Да вы взгляните, взгляните, Дмитрий Евгеньевич! – И главный тряхнул стеклянную трубочку, так что таблетки внутри ссыпались на одну сторону. – Какой это, к богу, нитроглицерин!..

– Дайте посмотреть, – попросил Долгов.

– Открывать нельзя! – тревожно свистнул адвокат. – Ни в коем случае нельзя, по крайней мере до приезда компетентных органов!..

Василий Петрович неуклюжим красным пальцем подцепил крохотную крышечку.

– Господа, господа, – зачастил адвокат, – я же вас предупредил, этого ни в коем случае нельзя делать!..

Долгов подставил ладонь, и на нее выпала таблетка, довольно крупная, белая и плотная.

Адвокат в сильнейшем волнении поднялся со стула, позабыв про свой блокнот, который тут же свалился на пол.

– Господа, как уполномоченный представлять волю покойного, я должен уведомить вас, что вещественные доказательства...

– Н-да, – сказал Долгов, рассматривая таблетку.

– Вот и я про то же, – согласился главный. – Да заберите вы ваши вещественные доказательства! – с досадой бросил он в сторону адвоката. – Ничего им не станется! Вон их сколько, доказательств! Целый пузырек!..

– Грицук страдал сердечными заболеваниями?

– Евгений Иванович Грицук страдал манией величия и еще немного манией преследования, – отрезал главный.

– Однако в его вещах мы видим именно сердечный препарат!

– В его вещах мы видим нечто странное, – перебил главный врач, и Долгов вдруг развесялился.

Василия Петровича импозантный Глебов раздражал точно так же, как и его самого, и в этом была некая корпоративная общность, взаимопонимание не на уровне слов, а на уровне инстинкта.

Долгов понюхал таблетку на своей ладони.

– Это, – сказал он Глебову, – абсолютно не похоже на нитроглицерин! Его не принимают такими... слоновьими дозами! И структура вещества совсем другая! Видите?

– Поэтому и нужно милицию вызывать, – пробурчал главный врач. На столе у него зазвонил желтый пластмассовый телефон, и он сердито сказал в трубку, что занят. – Вот его анамнез, этого вашего Грицука!.. Исследование сердечной мышцы в нашей больнице было проведено со всей тщательностью, и никаких отклонений не обнаружено! Даже возрастных. С такой сердечной мышцей можно в космос лететь, не то что романы писать!

– Тем не менее он принимал сердечные препараты!

– Да это никакой не сердечный препарат! Это некое таблетированное вещество в пузырьке с надписью «нитроглицерин»!

– Милицию нужно вызвать, – повторил главврач и, насупившись, глянул на Долгова. – Только этого нам не хватало! А все из-за твоих высокопоставленных больных, Дмитрий Евгеньевич!

Долгов молчал.

Десять лет назад

Позевывая, он сел за шкаф, где было его всегдашнее место, сорвал с головы зеленую хирургическую шапочку, вытянул длинные ноги и наобум открыл какую-то книгу, которая валялась в ординаторской на столе.

– Устали, Дмитрий Евгеньевич? – спросила молодая врачиха Тамара Павловна. – Может, кофейку?

Тон был такой участливый, что Долгов немного поежился за шкафом. Тамара Павловна и разговаривала, и смотрела как-то так, что он все время чувствовал себя неловко.

– Да нет, спасибо, – пробормотал он, не глядя на нее.

– А то выпили бы!.. Я только что заварила!

Он бы и кофе выпил, и съел бы, пожалуй, чего-нибудь, но... Тамара Павловна его пугала.

Он даже подумал было, не сбежать ли от нее в курилку, но ноги не несли, ей-богу! Операция, которую он только что закончил, продолжалась шесть часов и была не из легких.

Поэтому он пробормотал, что кофе категорически не хочет, и уткнулся в книгу.

Книга была «художественная», то есть не по медицине, и он, прочтя три предложения, немедленно начал над ней засыпать и, пожалуй, заснул бы, если бы не Тамара Павловна.

– Что-то вы скучный такой, Дмитрий Евгеньевич! – Она подошла, все-таки сунула ему в руки кружку с кофе, села напротив и красиво закурила. – Или устали?

– Устал, – согласился Долгов. Хирургическая роба не вполне сходилась у нее на груди, и он взглядом все время натыкался на белую пышность в развале зеленой ткани, и не знал, куда девать глаза, и мрачнел с каждой секундой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.